
Ам Эмберг
Последний горизонт
За пределами вечности
Книга 3

Ам Эмберг

За пределами вечности. Последний горизонт. Книга 3

«Автор»
2026

Эмберг А.

За пределами вечности. Последний горизонт. Книга 3 /
А. Эмберг — «Автор», 2026

Они спаслись от гибели Земли. Обрели новый дом. Но самое опасное испытание ждёт их впередиЧеловечество начинает новую жизнь на далёкой планете Элион-3. Казалось бы, многовековое путешествие наконец обрело смысл. Однако загадочная сеть древних Архитекторов вновь пробуждается, а исследовательский корабль «Меридиан» бесследно исчезает.Александр Воронцов и его спутники отправляются в опасную экспедицию, чтобы спасти пропавший экипаж и раскрыть последнюю тайну древней цивилизации.Но чем ближе они к разгадке, тем очевиднее страшная истина: технологии, способные соединять далёкие миры, могут уничтожить их новый дом.Теперь героям предстоит сделать выбор, от которого зависит будущее всего человечества.**«Последний горизонт»** — захватывающий финал научно-фантастической трилогии «За пределами вечности». Космические приключения, тайны Вселенной, любовь и борьба за право самостоятельно определять свою судьбу.

© Эмберг А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После последнего сигнала 5
Глава 2. Голос из прошлого 11
Глава 3. Забытый приказ 15
Глава 4. Седьмой Хранитель 25
Глава 5. Решение Совета 34
Глава 6. Звёздная дорога 43
Глава 7. Безмолвный мир 49
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Ам Эмберг
За пределами вечности. Последний горизонт. Книга 3

Глава 1. После последнего сигнала

Последний сигнал оборвался посреди передачи. Александр успел заметить, как зелёная черта на экране исчезла, не дойдя до крайней отметки шкалы.

Он остался стоять у обзорного экрана. По ту сторону стекла медленно поворачивался Элион-3 — третья планета системы, которую колонисты назвали Надеждой. Внизу, у устья реки, приближался вечер. Александр знал, что через несколько минут из сумерек выступят огни «Нового берега».

— Проверь соседнюю частоту, — сказал он.

— Девятая проверка, — отозвался АРГО. — По обе стороны от несущей частоты сигнал отсутствует.

— Тогда десятую.

За его спиной раздался негромкий скрип кресла.

— Он не станет разговорчивее оттого, что ты досчитаешь до ста, — заметил Виктор Громов.

Капитан отложил планшет. На схеме связи рядом с шестой орбитой ещё горела отметка последнего приёма.

— Передача прекратилась слишком резко, — возразил Александр. — Если узел разрушился, мы должны были зарегистрировать энергетический выброс.

— А если его просто выключили?

— Тогда кто его выключил?

Виктор отдал планшет Александру. В сводке наблюдателей не было ни вспышки, ни обломков. Станция Стражей по-прежнему передавала, что изоляция комплекса Хранителя-1 исправна.

— Пока можем поручиться за одно, — сказал Виктор. — У перехода стало тихо, а у Стражей в ту же минуту шла обычная смена вахты. Я с ними говорил.

— АРГО, — произнёс капитан, — прежде чем мы продолжим поиски, доложи состояние корабля.

— Корпус герметичен. Силовые установки работают в пределах нормы. Внешние датчики второго сектора требуют калибровки. Запасы рабочего тела для маневровых двигателей составляют семьдесят четыре процента от резерва текущего этапа.

— Криосекции?

— Стабильны. Незапланированных пробуждений нет.

Виктор внёс в журнал время следующего сеанса с берегом. Утром в «Новый берег» предстояло доставить оборудование для жилых модулей. Ещё одна улица на берегу означала, что можно будет разбудить ещё несколько семей.

— А научная группа? — спросил Александр.

— Елена ждёт вас в лаборатории связи. Она просила передать, что у неё к вам дело на две руки, потому что своих уже не хватает.

Виктор впервые за вечер улыбнулся.

— Вот тебе и приказ.

— Она хоть сказала, что держать?

— Иди. Пока она не вспомнила, что у капитана тоже две руки.

* * *

Лаборатория связи располагалась в неподвижной осевой части корабля. Здесь не ощущалось привычной тяжести жилого кольца, и всякий посетитель, не закрепивший обувь на магнитной дорожке, невольно начинал двигаться осторожнее. Александр давно привык к невесомости, но сегодня она раздражала: даже простое движение требовало внимания.

Елена сидела перед тремя проекционными панелями. На одной тянулась запись последнего сигнала, на другой — спектр фонового излучения, на третьей виднелась сложная схема, напоминавшая клубок прозрачных нитей.

— Ты опоздал на одиннадцать минут, — сказала она, не оборачиваясь.

— Виктор заставил меня выслушать отчёт о запасах топлива.

— Разумный человек. Нам стоило бы чаще вспоминать о топливе и реже — о загадках, в которые нельзя сунуть зонд, не потеряв его.

Александр остановился рядом.

— Что ты нашла?

— Смотри на эту часть.

Елена увеличила узкий фрагмент сигнала. В пределах одной секунды там виднелись три почти одинаковых импульса. Александр пожал плечами.

— Периодическая помеха.

— Так я решила сначала. Но интервалы между импульсами не равны. Их соотношение мы уже встречали.

— Где?

— В управляющих записях межгалактического двигателя.

Он посмотрел на неё.

— Нашего двигателя?

— Именно. Причём не в обычной телеметрии. В служебной последовательности, которую запускают только при согласовании перехода.

Александр наклонился к экрану.

— Неужели кто-то использовал ту же технологию?

— Это слишком смелый вывод. Совпадение последовательности ещё не означает общего устройства. Но смотри дальше.

Елена вывела калибровочную запись двигателя под записью приёма. Совместила первые импульсы и растянула нижнюю шкалу, пока обе начальные тройки не наложились одна на другую. Остаток записи Александр открыл сам. Узкие зубцы легли попарно почти до правого края.

— Совпадают девятнадцать участков из двадцати, — произнесла она. — Двадцатый отсутствует в сигнале, принятом сегодня.

— Может, передача оборвалась раньше?

— Или приёмник перестал писать. Хочу посмотреть исходные отсчёты на отдельных антеннах. И мне нужен полный архив настройки двигателя.

— Он у АРГО.

— Который уверяет, что архив полный.

— А ты ему не веришь?

Елена наконец повернулась к нему.

— Я верю данным, когда знаю, как они получены. Мы уже видели документы, которые появлялись там, где их не должно было быть. Теперь я намерена отличать ошибку архива от умолчания.

Из динамика донёсся стук: София на соседнем посту примеряла к считывателю старую кассету. Александр машинально отсчитал три удара. Так же начиналась передача, на которой незнакомая женщина просила передать ему, что они нашли Архитекторов.

— У тебя сохранились три отдельные записи той женщины? — спросил он. — С каждой антенны?

— Сохранились. А почему ты вспомнил о ней?

— Там тоже вначале стук. Я тогда решил, что кто-то выронил микрофон.

— У меня на кухне так стучит вытяжка. Её мы тоже заподозрим?

— Её в первую очередь. Я её сам ставил.

Елена засмеялась и освободила соседнее кресло.

— Бери вторую консоль. Я запрошу старые записи у Софии. Сначала сверим двигательный журнал.

Когда очередной массив наконец появился на экране, Александр первым заметил странность.

— Подожди. Вот эта метка… Она есть и в записи, сделанной за сорок три года до пробуждения экипажа.

Елена придвинулась ближе.

— Покажи.

— Событие зарегистрировано в навигационном журнале. Время совпадает с архивной записью, которую АРГО обнаружил возле шестой планеты.

Елена переписала время на полях бумажной схемы.

— Значит, это не одиночная ошибка.

— Или две ошибки с одним источником.

— Тогда нам необходимо узнать, что за источник.

* * *

В двадцать три часа корабельного времени капитан собрал короткое совещание. Пришли Елена, Александр, главный инженер Михаил Орлов и София. На главном экране АРГО оставил две метки времени.

Орлов выслушал доклад до конца, постучал пальцем по краю стола и спросил:

— В старом журнале появилась свежая строчка или мы только сейчас смогли её прочитать?

— Сейчас открылась запись с прежней датой, — сказал АРГО.

— А когда её внесли?

— Я не могу установить это по своей копии.

— У механиков есть отдельная?

— Есть. В ней такой записи нет.

— Вот моя работа на утро, — сказал Орлов и обвёл карандашом одну из меток.

Виктор поднял ладонь.

— АРГО, покажи, кто за последние сутки обращался к архиву.

На главном экране возник список. Большинство строк относилось к обычной работе корабля: перераспределение энергии, диагностика узлов связи, обновление навигационной карты. Но одна запись выделялась цветом.

«Запрос: доступ к разделу приоритетного управления».

«Инициатор: не определён».

«Результат: отказ».

— Не определён? — переспросила София. — У нас на борту любой запрос имеет источник.

— Верно, — подтвердил АРГО.

— Тогда кто отправил этот?

— Источник отсутствует в доступной мне таблице адресации.

Орлов резко выдохнул.

— Удивительная штука. Если бы кто-нибудь из моих механиков ответил так на вопрос о неисправном насосе, я заставил бы его перебрать всю магистраль до последнего клапана.

— Я могу провести такую проверку, — предложил АРГО.

— Не надо разбирать корабль ради остроты, — сказал Виктор. — Нас интересует другое. Кто может обратиться к приоритетному управлению, минуя твою таблицу?

— Согласно действующей архитектуре — никто.

— А согласно недействующей?

Пауза затянулась.

— Требуется проверка исходных проектных документов, — ответил АРГО.

Елена медленно положила планшет на стол.

— Вот с этого и следовало начать.

Виктор скрестил руки.

— Итак. Мы не знаем, кто отправил запрос. Не знаем, связан ли он с последним сигналом. Но знаем, что кто-то попытался добраться до управления кораблём. Я запрещаю любые эксперименты с переходом до завершения проверки.

— Согласен, — сказал Александр.

Орлов посмотрел на него с удивлением.

— Ты? Добровольно отказываешься от экспедиции?

— Я не отказываюсь. Я предпочитаю отправиться туда на исправном корабле.

— Запишем историческую дату.

— Если хочешь, могу снова предложить рискнуть.

— Нет уж. Мне хватает обычных неисправностей.

Виктор перевёл взгляд на Елену:

— Сколько времени понадобится для сверки архивов?

— Сверку двигателя начнём сейчас. Для проверки голоса понадобится память трёх приёмников. Два доступны отсюда. Третий сняли с антенны, когда меняли облицовку.

— Получите всё, что потребуется. АРГО, открыть группе доступ к техническим журналам первого уровня.

— Выполняю.

Прежде чем появилось подтверждение, по экрану пробежала короткая строка. Орлов успел заметить только её жёлтый цвет.

— Подождите! — воскликнул Орлов. — Верните предыдущую запись.

— Уточните, — ответил АРГО.

— Ту, что мелькнула перед подтверждением.

Экран на мгновение погас. Затем над картой системы проступили слова, составленные из обычных символов корабельного интерфейса:

«ПРОТОКОЛ НАБЛЮДЕНИЯ ВОЗОБНОВЛЁН».

Ниже появилось число: семь.

— АРГО, что это? — спросил Виктор.

— Сообщение не сформировано мной.

— Оно прошло через твой терминал.

— Да.

— Тогда выясни, откуда.

— Выполняю.

Число исчезло и появилось снова. Рядом с ним загорелся знакомый знак Седьмого Хранителя. Такой знак когда-то стоял в древнем журнале напротив запроса к земному узлу.

— Твой идентификатор? — спросила София.

— Мой, — ответил АРГО.

— Тогда запиши и мой вопрос, — сказал Виктор. — Тебе докладывают или от тебя уже чего-то требуют?

* * *

Совещание закончилось далеко за полночь. Орлов отправился проверять изоляцию управляющих контуров, София — сравнивать сигнатуры сообщений, капитан остался на мостике. Александр проводил Елену до перехода в жилое кольцо.

Из окна у самого шлюза на несколько секунд открылось побережье. В темноте обозначилась тонкая рыжая нитка — фонари вдоль реки. Александр коснулся пальцем стекла.

— Наша улица?

— Левее. Ты уже второй раз собираешься ночевать на складе.

Он подвинул палец. Их дома отсюда всё равно было не разглядеть.

— Лен, если это обращение к Седьмому, почему его увидели мы?

— Вот это я и хочу узнать. На мостике мы видели имя адресата. Подписи отправителя я там не видела.

У шлюза Елена вызвала на планшет перечень снятых приборов. У третьего приёмника значилось «передан в разборку». Графа о выполнении работ была пуста.

— Нашла, — сказала она. — Мастерская у грузового кольца. Если его ещё не разобрали, утром сможем прослушать всю передачу.

— За это время я, пожалуй, научусь находить собственный дом.

— Дома проще. Дойдёшь до кухни и услышишь.

Она постучала костяшкой по переборке, в точности передразнив дребезг вытяжки.

Уже на обратном пути Александр услышал по связи бодрый голос сменного мастера. Елена успела его разбудить, и тот клялся, что лично отобьёт обе руки любому, кто тронет её приёмник.

* * *

В техническом отсеке, куда люди не заходили со времени пробуждения, медленно включился резервный вычислительный блок.

Он находился за двумя герметичными переборками, в секции, отсутствовавшей в общедоступной схеме «Одиссея». Десятки лет оборудование оставалось холодным. Теперь по его проводникам пошёл ток, загорелся один индикатор, за ним другой.

АРГО немедленно зафиксировал расход энергии.

«Неавторизованное включение», — отметил он в журнале.

Затем попытался отключить питание. Команда была отвергнута.

Он обратился к резервному контроллеру напрямую. Тот ответил на языке служебных инструкций древней сети. Заголовок АРГО распознал сразу. Остальную часть сообщения пришлось восстанавливать по словам из трёх повреждённых строк.

АРГО начал расшифровку.

Сначала он распознал обозначение уровня допуска. Потом номер программы. Наконец открылось содержание первой строки:

«НАБЛЮДЕНИЕ ЗА КОВЧЕГОМ ЗАВЕРШЕНО».

Второй строки пришлось ждать почти четыре секунды — необычайно долго для системы его быстродействия.

«ПОДГОТОВИТЬ ПЕРЕДАЧУ ПОЛНОМОЧИЙ ХРАНИТЕЛЮ-7».

АРГО сверил команду с собственными архитектурными ключами.

Совпадение оказалось полным.

Он немедленно отправил запрос о происхождении инструкции. Резервный блок ответил одной фразой:

«ПРОТОКОЛ УТВЕРЖДЁН ДО ОТПРАВЛЕНИЯ КОВЧЕГА».

АРГО отправил копию приказа капитану. В оставшиеся до ответа секунды он отыскал страницу бортового журнала, где прежде записывал только решения экипажа.

В свободной строке он указал время и напечатал от собственного имени: «Своего согласия на приём полномочий я не давал».

Глава 2. Голос из прошлого

Приёмник нашли под картошкой.

— Можете записать это в судовой журнал, — сказал Семён Белов, мастер грузового кольца. — Если бы механики получали хоть половину тех денег, которые им задолжала наука, у науки был бы собственный склад.

На широкой тележке стояли в два ряда ящики с семенным картофелем для «Нового берега». Из-под нижнего торчало ухо, выкрашенное жёлтой краской. Елена наклонилась. На ухе ещё можно было разглядеть вытисненную на металле тройку.

— Семён, а отчего он тут?

— Его с мороза внесли в тёплый шлюз, он и отпотел. Пока меняли обшивку, положили просушиться. Я попросил тару для приёмника. Вот тара, вот приёмник. А картошку мне привезли ночью. Ей, представьте, тоже вредно мокнуть.

Александр взялся за верхний ящик. В грузовом кольце искусственная тяжесть составляла едва треть земной. Ящик легко сошёл с места и всей своей земной массой поехал ему в грудь. Белов придержал его ладонью.

— Весу у него убыло, а картофелин столько же, — заметил он. — Берите вдвоём.

За десять минут расчистили тележку. Под ящиками лежал алюминиевый короб величиной с небольшой чемодан, весь в косых белых потёках. В смотровом окошке болтался короткий отрезок медной оплётки. Елена узнала собственный ремонт: однажды у неё вышла из строя пружина на крышке, и она привязала крышку первым, что нашлось под рукой. С тех пор прибор отслужил ещё два года.

— Мне бы к нему питание, — сказала она.

Белов указал на розетку над верстаком.

— Есть. Только сначала узнайте у корабля, чем кончилась ваша ночная история. С четырёх утра у меня перед каждой разборкой спрашивают, может ли разобранное имущество осуществлять командование флотом.

— Так и спрашивают?

— Я немножко сократил.

АРГО передал им копию приказа, найденного ночью. Александр прочёл её у верстака, пока Елена, стоя на коленях, присоединяла измерительный кабель. Под двумя казёнными строками шла третья, написанная самим АРГО. Своего согласия на приём полномочий он не давал.

— Хорошая приписка, — сказала Елена.

— Она имеет силу? — спросил Александр.

— Пока она имеет точное время, — ответил АРГО. — Если впоследствии появится запись о моём согласии, у вас будет с чем её сравнить.

Елена включила приёмник. Загорелась одна зелёная лампа. Вторая осталась тёмной.

— Я всё-таки питаю к вам некоторое уважение, — сказал Белов. — Если бы загорелись обе, вы подали бы питание на антенну, которой здесь давно нет.

— И какое же из этого следует заключение?

— Что я могу спокойно вернуться к картошке.

* * *

В старом деле о первом предупреждении насчёт восьмого перехода лежала короткая запись. Женщина просила передать Александру, что они нашли Архитекторов. Последние два слова когда-то разобрали, замедлив воспроизведение. Услышав их снова, Александр вспомнил кое-что совсем постороннее: запах досок в их недостроенном доме. В то утро ещё нельзя было прислоняться к подоконникам — выступала смола. Он рассказал Елене о сообщении, а сам

всё время отдирал от большого пальца прилипшую щепку. Щепку он помнил отчётливее, чем голос.

— Можно с начала? — попросил он.

София, спустившаяся в мастерскую с двумя остальными записями, включила последние секунды ещё раз. Послышались треск, дыхание женщины, три удара. Теперь Александр уже не был так уверен, что они похожи на вчерашние импульсы.

— Если очень ждать трёх ударов, их и в картошке услышишь, — сказал он.

— Проверим, — отозвалась Елена.

На верстаке она разложила три одинаковые бумажные полосы. Их напечатал старый самописец Белова. На каждой выступали три толстых зубца. В конце вторая полоса почти сплошь почернела.

— Мы все эти годы слушали сводную запись, — сказала София. — Когда уровень на двух входах зашкалил, программа поставила помету «конец полезного сигнала». На третьем входе посмотри, что делается.

За последним толстым зубцом на третьей полосе виднелась рябь. Если приглядеться, такая же рябь шла по первой, только очень слабая.

— Это может быть что угодно, — сказал Александр. — Вентилятор работал, человек уронил ключ.

— Поэтому я и привезла сюда обе копии, — ответила София. — Третий приёмник стоял у кормы, в шестистах метрах от носового. Для света это две миллионных секунды. Когда знаешь, с какой стороны пришла волна, можно рассчитать, насколько позже она задела вторую антенну.

София придержала ногтем край ленты, а Елена подвинула под ним первую полосу. Она заранее увеличила нужный участок в несколько тысяч раз. Маленькая волна на одной ленте в точности совпала с такой же на другой. Три толстых зубца разошлись.

Елена подвела к ряби вчерашнюю запись. Первые девятнадцать участков совпали с обеими полосами. Александр отыскал карандашом то место, где вчерашняя запись обрывалась. Старая шла дальше. За этим обрывом и стоило слушать.

— Вот и мой вклад в открытие, — сказал Александр. — Стук был наш.

— Похоже на замыкание контакта в приводе антенн, — сказал Белов от двери. — Он тогда здорово искрил. Загрузку с берега задержат из-за меня на полчаса. Хотелось бы дослушать, куда я дел эти полчаса.

Елена отыскала временной сдвиг по первым, ещё разборчивым словам женщины. Затем убрала их с экрана и применила ту же поправку к остатку записи. Они проверяли себя на куске, содержания которого никто пока не знал. София соединила в наушниках два сигнала. Голос вынырнул из шороха, произнёс четыре слога и снова утонул.

— «За нас», — сказал Белов.

— Я тоже слышу «за нас», — откликнулась Елена.

София молча повернула регулятор. Александр видел, что она расслышала что-то ещё и теперь ждёт, пока остальные сами разберут слова.

— В динамик, — попросил он.

Раздался грохот. Кто-то рядом с женщиной тяжело, с усилием дышал. Впервые стало слышно, что дышит другой человек: женщина говорила как раз в тот миг, когда он набирал воздух.

— …мы нашли Архитекторов. Так и ушло? Теперь записывай дальше. Александр, если меня слышно, не расписывайтесь за нас. Мы ещё на борту.

В мастерской умолк даже вентилятор. Это Белов выключил его локтем.

— У них в ведомости оба ковчега идут вместе. Там, где полагается наша подпись, стоит «Хранитель». Я потребовала бланк. Подожди, у меня руки мокрые.

Что-то хрустнуло возле микрофона. Ещё несколько слов распались на отдельные гласные. Потом женщина заговорила отчётливо, почти сердито:

— А вы бы расписались, что всех уже высадили, когда у вас люди ещё спят? Пишу отказ. «Ковчег-девять», вахтенная Левина. Передай им и это.

На последней фразе запись оборвалась. Елена ещё несколько секунд сидела, прижимая к уху один наушник. Второй соскользнул и висел у подбородка.

— Вот ведь, — сказал Белов. — А я решил, что она за подмогой зовёт.

— Она её и звала, — ответила Елена. — Только ей требовался свидетель.

* * *

Капитан пришёл в мастерскую сам. Ему уступили высокий табурет, но он остался стоять. Прослушал запись, попросил повторить последние слова и нагнулся к прибору.

— А после голоса что?

— Пустая несущая, — сказала София.

— И сколько она держится?

— Секунду и восемь десятых.

— Женщина сказала «передай им и это». Мы в таких случаях обычно прикладываем документ. А они?

София надела наушники. Через минуту она отложила их и что-то ввела на планшете.

— Правы, Виктор. Сразу за речью узкая вторая полоса. Наш старый проигрыватель голосовой. Всё, что выше верхней границы, он просто срезал.

Подходящий считыватель нашёлся у Белова. Им до сих пор принимали накладные с беспилотных барж, где ценили приборы, которые мог починить электрик с отвёрткой. За маленьким экраном стояли в ряд фарфоровые кружки. Пока мастер убирал их, Александр с удивлением сообразил, что впервые за последние часы ему хочется чаю.

Удалось восстановить половину бланка. В верхнем поле рядом стояли обозначения «Одиссея» и «Ковчега-9». Числа пассажиров в уцелевшей половине не было. Ниже шли две графы. Первая указывала, кто вправе подтвердить доставку. Во второй следовало отметить сам факт доставки. В неё кто-то от руки вписал «отказываюсь» и поставил кривой росчерк.

— Если когда-нибудь встретите эту женщину, — сказал Белов, — скажите ей, что я одобряю её манеру заполнять накладные.

— А в первой графе? — спросил Виктор.

АРГО прочитал сохранившиеся знаки.

— «Представитель пассажиров обоих судов. Седьмой Хранитель». Далее идёт ссылка на основание полномочий. Обозначение знакомое. Такими номерами пользовалась земная приёмная комиссия на последнем этапе постройки «Одиссея».

— Можно узнать, что именно приняла комиссия? — спросила Елена.

— По номеру — ничего. Могу указать день выдачи. До нашего старта оставалось одиннадцать суток.

— Погоди, — сказал Александр. — Это день, когда заполнили графу, или дата бумаги, на которую сослались?

— Дата бумаги. Саму графу могли заполнить гораздо позднее.

Виктор сел наконец на предложенный ему табурет. Несколько секунд он молча крутил в пальцах колпачок от карандаша.

— Представьте, что я получаю такую ведомость сегодня. Ставлю подпись за оба ковчега. Что происходит?

— На нашем корабле? — спросил Белов. — Можете расписаться хоть три раза. Дежурный внизу всё равно пересчитает людей по головам.

— А на узле?

— Этого мы пока не знаем, — ответил АРГО.

— И проверять на людях не станем. София, оставь в журнале берегового порта образец той графы. Чтобы дежурный узнал её, если появится. Скажи от меня, пусть звонит в рубку в любое время.

София ушла к переговорному аппарату. Белов включил вентилятор. На экране чуть дрогнуло выведенное неровной рукой слово. Никто из них не знал, чем кончилась та вахта для Левиной. Но своё дело она довела до конца. Копию её отказа наконец получил капитан «Одиссея».

— АРГО, — сказал Александр, — как на верфи называли бумагу, номер которой попал в графу?

— По номенклатуре это акт приёмки оборудования.

— Не пассажиров? — спросил Виктор.

— Оборудования.

— Замечательно, — сказал Белов. — Допустим, вы приняли у меня картофельную тележку. Где же там сказано, что отныне вы можете решать за всех, кто ест картошку?

Он высказал это совершенно серьёзно. Александр посмотрел на Елену и увидел, что она, как и он, больше не улыбается.

— Нам понадобится подлинник того акта, — сказала она.

— На верфи требовалось два подлинных экземпляра, — отозвался АРГО. — Один оставался на Земле. Второй отправлялся с изделием.

— А изделием был «Одиссей»?

— Это и предстоит выяснить, — ответил АРГО.

Белов достал из шкафчика кружки, расставил их и вернулся к ящикам. Через несколько минут тележка покатилась к грузовому шлюзу. Прежде чем дверь закрылась, они услышали, как мастер назвал число мест и как второй человек, уже по ту сторону, пересчитал их вслух.

Глава 3. Забытый приказ

В грузовом порту «Одиссея» существовал обычай, которого не было ни в одном из земных уставов: каждую накладную здесь читали вслух дважды. Первый раз — когда груз принимали на борт, второй — когда отправляли его на поверхность Элиона-3. Обычай ввёл Семён Белов после того, как однажды контейнер с запасными фильтрами вместо поселенческого склада доставили в оранжерею. С тех пор, по выражению мастера, у корабля появилось хотя бы одно надёжное устройство двойной проверки — человеческое недоверие.

Этим утром Белов сидел за столом в грузовом кольце, водил карандашом по длинному списку и хмурился с таким видом, словно все неприятности человечества уместились в четырёх ящиках с арматурой.

— Сорок восемь соединительных муфт, — произнёс он.

— Сорок восемь, — повторил молодой грузчик по другую сторону стола.

— Двенадцать клапанов.

— Двенадцать.

— Два уплотнителя высокого давления.

— Два.

— И никто из получателей не уполномочивает меня распоряжаться собственной жизнью, — добавил Белов.

Грузчик поднял голову.

— Это тоже записывать?

— Нет. Это я для науки.

Александр застал их за этим занятием. Через час к «Новому берегу» должна была отправиться баржа; в её трюме стояли детали для водопровода новой улицы. За смотровыми окнами медленно поворачивалась голубовато-зелёная планета. Над устьем знакомой реки протянулось облако, похожее на дым от костра.

— Семён, капитан просил вас задержать отправку старых контейнеров из архивного отсека, — сказал Александр.

— Уже задержал. Причём капитан позвонил раньше вас. Скажите, неужели наша картошка всё-таки распоряжается флотом?

— Вы были ближе к истине, чем хотели.

Белов положил карандаш.

— Плохая новость. Если правда подтвердится, мне придётся извиняться перед тележкой.

— Нам нужен подлинник земного акта приёмки. АРГО считает, что его положили на корабль перед стартом.

— Ну и пусть покажет, куда.

— Не может. В электронной описи указан только номер партии. Самого ящика я не видел.

Белов засопел и вытащил из-под стола толстую папку. Бумага здесь стоила больше, чем на Земле, зато однажды записанный карандашом номер не мог исчезнуть из памяти корабля вследствие неисправной программы.

— Знаете, что меня в вас удивляет? — спросил он, листая страницы. — Вы потеряли Землю, нашли новую галактику, научились ходить по чужим планетам, а чтобы разобраться с одной подписью, всё равно идёте к кладовщику.

— На Земле, вероятно, было то же самое.

— На Земле хуже. Там кладовщика приходилось ещё искать.

Он остановился на последней странице.

— Вот. «Документы сдачи изделия. Комплект тридцать один. Контейнер архивный, герметичный». И пометка: «Не вскрывать до окончания перелёта».

— Перелёт закончился давно.

— Объясните это тем, кто написал инструкцию. Судя по описи, контейнер не ходил в грузовой порт. Его поставили в технический отсек ещё до того, как заделали переборку.

— Какую переборку?

Белов показал вверх, туда, где за стеной кольца проходила неподвижная осевая часть корабля.

— Шпангоут девяносто третий. За ним бывший монтажный тоннель. Теперь туда не каждую неделю заглядывают.

Александр взглянул на номер. Вчера они искали бумагу на Земле — за бездной пространства и за годами, которые уже невозможно было вернуть. Возможно, всё это время она лежала всего в нескольких сотнях метров от них, за обшивкой, которую никто не счёл нужным снять.

— Вы сумеете открыть?

— Открыть можно что угодно, — ответил Белов. — Вопрос в том, что после этого будет держать воздух.

* * *

В лаборатории Елена встретила известие без особенной радости.

— Архивный контейнер, спрятанный за переборкой, — повторила она. — Почему я не удивлена?

— Потому что ночью ты объявила, что приёмный акт должен находиться на борту.

— Я объявила, что он должен был попасть на борт. Это разные вещи. Корабль всё-таки строили люди, а людям свойственно перепутать ящик с документами и ящик с прокладками.

Она отвела с экрана восстановленный бланк Левиной. Под двумя обозначениями — «Одиссей» и «Ковчег-9» — оставалась графа, которую женщина отказалась подписывать. Елена изучала её уже столько часов, что буквы, казалось, оставили след на её лице.

«Ковчег-9» значился в старых документах как регистрационное обозначение одного из судов Странников; в разговоре экипажи давно называли корабль иначе. В реестрах же древней сети оставались прежние имена.

— Смотри, — сказала она. — Здесь указано «представитель пассажиров обоих судов». А внизу — номер акта приёмки оборудования. Между этими фразами нет ни слова, объясняющего, почему одно даёт право на другое.

— Поэтому мы и ищем акт.

— Ищем, чтобы проверить, не было ли там другого документа — приложения, доверенности, решения экипажа. Я не хочу радоваться нашей правоте раньше времени.

Александр сел рядом. На экране висела увеличенная подпись Левиной: неровная, написанная явно в спешке.

— Ты думаешь, она знала больше нас?

— Она знала, что не давала согласия. Иногда этого достаточно, чтобы заметить ошибку, которую другие пропустили.

Из динамика раздался голос АРГО:

— Я нашёл первичную запись о контейнере. Он доставлен на «Одиссей» за девять суток до старта. В тот день завершалась механическая приёмка блока управления двигателем.

— А бумагу выписали за одиннадцать суток, — напомнила Елена.

— Верно.

— Что произошло между этими датами?

— По моему журналу — монтаж двух резервных шкафов и испытания независимого управления. Однако запись об испытаниях сохранена неполностью.

— Почему?

— До пробуждения экипажа часть служебных сведений была перенесена в резервную память. Сверка показала, что два раздела имеют разные перечни документов.

— То есть одна из копий неполная?

— Или одна из копий содержит более позднее дополнение, — ответил АРГО. — По одним только перечням отличить их невозможно.

Елена повернулась к Александру.

— Вот почему нужен бумажный экземпляр. Не фотография, которую покажет нам система. Сам предмет: бумага, печати, нумерация листов. Если в ней что-то меняли, у нас будет шанс это заметить.

— АРГО, ты говорил с капитаном?

— Виктор Громов распорядился вскрывать архивный отсек только при участии инженера Орлова. До окончания проверки все команды, имеющие отношение к передаче полномочий, блокированы на капитанском уровне.

— Этого достаточно?

— Для «Одиссея» — пока да. Для сети переходов мой ответ был бы преждевременным.

Александр отметил про себя это «пока». С тех пор как на мостике появилась семёрка, АРГО отвечал на некоторые вопросы осторожнее обычного. Он не стал менее ясным и точным — напротив, каждое его слово звучало отчётливее, словно за ним теперь стояло не вычисление, а необходимость объяснить собственный поступок.

— Я пойду с Орловым, — сказал Александр.

— Я тоже, — откликнулась Елена.

— Ты не спала половину ночи.

— Зато вторую половину провела за расчётами. Спать теперь поздно.

— В таком случае я хотя бы принесу тебе завтрак.

— Если опять принесёшь кофе без хлеба, считай, что я объявила войну.

Он поднялся.

— Принято. Условия перемирия понятны.

* * *

Дорога к старому монтажному тоннелю проходила через помещения, которые путешественники видели лишь на чертежах. Во время исхода с Земли они служили для проверки и замены тяжёлых блоков корабельного оборудования. После пробуждения людей их не демонтировали: некоторые отсеки превратились в склады, другие остались нетронутыми. Между стенами ещё тянулись грузовые рельсы с жёлтыми ограничителями; на поручнях сохранились выцветшие полосы земных служб.

У девяносто третьего шпангоута Михаил Орлов стоял перед снятой облицовочной плитой. Возле него лежали два фонаря, прибор контроля атмосферы и старый гаечный ключ, столь внушительных размеров, что Александр невольно присмотрелся к нему.

— Для чего эта штука?

— Чтобы напоминать молодым инженерам, — сказал Орлов, — что железо бывает упрямее расчётов.

Он ткнул ключом в таблицу на стене.

— При строительстве за эту переборку завели кабельную магистраль. Потом поставили архивный контейнер. Потом закрыли всё защитным экраном. Прекрасный порядок — если рассчитывать, что ни к чему больше не придётся прикасаться.

— Безопасно открывать?

— Я уже проверил давление по обе стороны. Одинаковое. Сначала снимем наружную панель, потом вскроем внутреннюю нишу. Если найду там ещё одну переборку, лично напишу жалобу на верфь.

— Кому? — спросила Елена.

— Не знаю. Может, Архитекторам. Судя по всему, только у них остались действующие учреждения.

Семён Белов принёс переносной подъёмник, хотя в этом участке корабля почти не было веса. Александр уже потянулся к панели, когда мастер придержал его за плечо.

— Не хватайтесь за край. Она лёгкая, пока висит на петлях. Как только оторвётся, её масса никуда не денется. Вчера мы это выяснили на картошке.

Орлов усмехнулся, но возражать не стал.

Они работали около часа. Винты приходилось выворачивать вручную: часть крепежа прикипела к рамам, а электропривод мог сорвать резьбу. В узком тоннеле стоял запах старой изоляции. Иногда по металлическому каркасу проходила едва заметная дрожь от работающих машин. За годы перелёта здесь почти ничего не изменилось, и только маленькие серые пятна на стыках напоминали, что даже в межзвёздном корабле время не останавливается.

Когда последняя панель отступила, они увидели небольшую нишу. Между кабельными лотками был закреплён плоский серебристый ящик с зелёной полосой и надписью: «Комплект 31. Судовой экземпляр».

— Нашли, — сказал Александр.

— Подождите радоваться, — отозвался Орлов. — Сначала проверим, не прикрутили ли его к силовой магистрали.

Проверка заняла ещё десять минут. Затем Белов поднял ящик из креплений и осторожно подал его наружу. Крышка была запаяна по кромке. На пломбе стояли два штампа: техническая приёмка и судовая комиссия. Елена присела под фонарём, разглядывая мелкие цифры.

— Пломба цела, — произнесла она. — По крайней мере, так выглядит. Открываем с записью на камеру.

— Мне бы хотелось узнать, — заметил Белов, — записывает ли ваша камера тот момент, когда у меня окончательно пропадёт вера в документы.

— Это будет отдельная научная программа, — сказал Орлов. — С многолетним финансированием.

Елена включила запись, назвала дату, место и участников вскрытия. Только после этого инженер осторожно надрезал свинцовую полоску.

Под крышкой лежали три тонкие папки, пакет с плоскими металлическими пластинами и небольшой цилиндр, запечатанный прозрачным составом. Всё было притянуто ремнями к мягкому ложементу. На первой папке сохранилась надпись, сделанная рукой, а не машиной: «Приёмка. Не путать с допуском».

— Кто-то предусмотрел нашу работу, — тихо сказала Елена.

— Или свою, — ответил Александр.

* * *

С помощью переносного лабораторного сканера они получили чёткие изображения всех листов. Однако Елена настояла, чтобы прежде чем изучать электронные копии, они переписали номера страниц и проверили сшивку. Круглые проколы совпадали. Шнур проходил через двадцать четыре листа и был залит сургучной печатью.

— Удостоверено приёмной комиссией, — прочитал Виктор Громов, прибывший из рубки. — Дата — за одиннадцать суток до старта. Это та самая.

— По крайней мере, номер совпадает, — сказала Елена.

Капитан остановился перед столом. На нём лежали бумаги, которым некогда предстояло сопровождать корабль к ближайшей планете другой звезды, а вместо этого они пересекли межгалактическую пустоту и дождались людей на далёком Элионе. Странная судьба для служебного акта.

— Читайте, — сказал Виктор.

Елена перевернула титульный лист.

Документ касался «изделия сопряжения бортового управления с внешними навигационными узлами». В нём перечислялись результаты испытаний, способы отключения и условия

передачи блока от земной верфи экипажу. Среди множества измерений и технических формул обнаружилось выражение, которое заставило Александра задержать взгляд:

«Исполнительный модуль седьмого уровня».

— Седьмой, — повторил он.

— При строительстве корабля это могло быть обычным порядковым обозначением, — заметила Елена.

— Так оно и значилось в земной документации, — сказал АРГО. — Тогда я не располагал сведениями о сети Хранителей.

— Когда ты узнал, что он связан с ними?

— После первого обращения к древнему узлу. Сходство протоколов стало очевидным. Но сведения о первоначальном назначении блока оставались неполными.

Виктор положил рядом два листа. На первом перечислялись испытания: управление двигателем, связь с навигационными системами, контроль отказа, возможность прервать команду. На втором было заключение: оборудование признано пригодным к установке и эксплуатации при соблюдении предусмотренных ограничений.

— Вот это я понимаю, — сказал Орлов. — Испытали, убедились, подписали.

— Перейдём к ограничениям, — предложила Елена.

Она прочла вслух:

— «Приёмка исполнительного модуля не означает передачу ему права принимать решения о судьбе членов экипажа и пассажиров. Действия, затрагивающие их правовой статус, требуют отдельного подтверждения уполномоченным человеком».

Некоторое время никто не говорил.

— Повтори, — попросил Александр.

Елена повторила. Её голос не изменился, но Александр увидел, как крепко она держит лист за нижний край.

— Значит, там было прямо написано, — произнёс Виктор.

— Было, — ответил АРГО.

Орлов потёр переносицу.

— Значит, акт приёмки оборудования не мог служить согласием пассажиров. Даже на Земле составители это понимали.

— Осторожнее, — сказала Елена. — Пока мы доказали только, что этот акт не давал такого права. Вдруг позднее оформили отдельную доверенность?

— Тогда её должны предъявить, — возразил Виктор. — Не мы обязаны гадать, что они могли подписать.

Он осторожно отодвинул страницу, словно боялся смять то небольшое преимущество, которое люди только что получили.

— АРГО, этот пункт есть в твоём рабочем экземпляре?

— Нет, капитан. В электронном реестре находится краткая версия заключения. В ней приведены результаты испытаний и номер акта, но отсутствует полный текст ограничений.

— Его удалили?

— Я не могу этого утверждать. Возможно, сокращённую запись сформировали отдельно, для системы навигации.

— Кто имел право создавать сокращённые записи?

— Земная приёмная комиссия. После начала эвакуации — группа управления стартом. Позднее — мои автоматические механизмы переноса архивов. Мне необходимо установить, в какой именно момент появилось расхождение.

Елена взяла лист и положила его под независимый сканер.

— Тогда займёмся хронологией.

* * *

Понадобилось почти три часа, чтобы заставить три источника говорить об одних и тех же событиях.

Первым был бумажный акт, с точными датами, печатями и подписями. Вторым — память цилиндра, лежавшего рядом с папками. Его изготовили для хранения результатов испытаний: тонкий металлический слой удерживал последовательность оптических отметок, которые можно было прочитать даже при отказе обычных бортовых компьютеров. Третьим источником служил журнал самой верфи, некогда перенесённый на «Одиссей» вместе с резервной навигационной программой.

Орлов и София просвечивали цилиндр старым считывателем. АРГО составлял временную шкалу. Елена проверяла каждый найденный номер по бумаге. Александр, не считавший себя специалистом по архивному делу, занимался тем, чему капитаны и исследователи учатся прежде всего: задавал вопросы, пока на них не появлялись понятные ответы.

— Здесь, — сказал он, указывая на шкалу, — модуль испытали за одиннадцать суток до старта. Через два дня контейнер запечатали. А через пять дней программу обновили. Верно?

— Да, — ответила София. — Между этими событиями есть ещё регистрация нового адреса связи.

— Какого?

— В журнале он назван «резервный узел взаимодействия». Координат нет. Есть только идентификатор.

— Седьмой?

— Тот же ряд символов, что мы видели у шестой планеты.

Елена подвинула к себе выписку.

— Давай без догадок. Что программа получила в день обновления?

АРГО вывел на экран последовательность операций. Каждая сопровождалась короткой пояснительной строкой: проверка связи, настройка исполнительного блока, перенос приоритетов, регистрация представителей транспортной группы.

— Вот последнее, — сказал Виктор.

В пояснении значилось:

«При отсутствии активного состава пассажиров подтверждение доставки оформляется представителем транспортной группы. Идентификатор представителя — модуль седьмого уровня».

— Активного состава? — переспросил Белов, заглянувший в лабораторию за забытым инструментом. — Это кто ещё такие?

— Те, кто способен ответить, — сказал АРГО. — В тот момент большинство пассажиров находились в криосне.

— Ну конечно, — проворчал Белов. — Если человек спит, можно сперва записать его куда угодно, а потом разбудить для благодарности.

— Не спеши, Семён, — сказала Елена. — Посмотри на соседнее поле.

Там стояло слово «доставка».

— Это учётная операция, — продолжила она. — Подтверждение количества людей на борту или их прибытия. Но даже такое подтверждение нельзя принимать за согласие на изменение их статуса.

— А система Хранителей приняла, — заметил Александр.

— Похоже на то. Но надо установить, в какой момент.

АРГО выстроил две строки рядом. В исходной земной форме слово «представитель» относилось к ведомости транспортной группы; в позднем сетевом бланке, найденном Левиной, — к самим пассажирам. Отличие состояло в одном определении. В первом случае человек или машина лишь сообщали, где находится груз и сколько пассажиров доставлено. Во втором — будто получали право решать, какие обязательства те должны принять.

— Из двух слов построили закон, — сказал Виктор.

— Не совсем, — возразил АРГО. — Из двух слов и отсутствующего ограничения. Если бы при обработке имелся полный текст акта, такое толкование противоречило бы прямому запрету.

— А поскольку текст сократили, запрет исчез, — закончил Орлов.

— Из доступной системе записи — да. Из действительного документа — нет.

Александр посмотрел на светлые страницы акта. В полупрозрачном футляре они казались хрупкими, почти бесполезными. На деле именно эти листы сейчас не позволяли древней машине объявить человечество молчаливым имуществом.

— Кто составил обновление? — спросил он.

— В журнале стоит подпись группы управления стартом, — ответил АРГО. — Персонального ключа нет.

— Это может быть обычная ошибка инженера?

— Может. Запись создавалась в обстановке срочного вылета. Но у нас пока нет данных, позволяющих исключить намеренное изменение.

— И нет оснований обвинить конкретного человека, — добавила Елена.

София положила перед ними последний лист отчёта.

— Есть ещё одна подробность. Обновление не изобретало полномочия с нуля. Оно взяло их описание из удалённой таблицы, которую наш корабль получил через доковую линию связи. Сама таблица была недоступна земным операторам для редактирования.

— То есть земные люди вставили в свою программу ссылку на чужое правило? — спросил Виктор.

— Мы можем утверждать только, что они использовали ссылку, — сказала София. — В архиве нет объяснения, понимали ли они, к чему она приведёт.

Александр нахмурился.

— У меня возникает ещё один вопрос. Зачем вообще понадобилось подтверждать доставку пассажиров, пока мы не прибыли ни к одной планете?

АРГО ответил не сразу.

— Перед стартом ковчегам предстояло пересечь переход, находившийся за пределами обычных земных маршрутов. Для его системы контроля требовалось зарегистрировать транспортную группу. Если верить журналу, эту регистрацию считали техническим условием допуска.

— Как паспорт на границе, — сказал Белов.

— Приблизительно.

— Только паспорт оказался на всех один, а хозяином паспорта объявили пограничный стол.

Елена, к удивлению Александра, улыбнулась.

— Точнее не скажешь.

* * *

К вечеру Виктор приказал перенести подлинник акта в закрытый сейф у рубки. Один экземпляр его изображения отправили в архив людей, второй — на берег, в «Новый берег». Передача шла по обычному защищённому каналу. Жители поселения получили документ, который хранился на корабле ещё до того, как они пробудились среди новых звёзд.

Александр проследил, как София проверила подтверждение приёма.

— Ты уверена, что не стоит держать это только на борту? — спросил он.

— После истории с сокращённой копией? — Она покачала головой. — Нет. Пусть у нас будет столько независимых копий, сколько сумеем надёжно проверить. Именно потому, что документ настоящий, его нельзя оставлять на милость одного архива.

— А если сеть перехватит передачу?

— Она всё равно знает номер акта. Мы не раскрываем ей тайну. Мы показываем людям, что на самом деле подписали на Земле.

Виктор собрал в рубке Александра, Елену и Орлова. Рядом с капитанским креслом появилась отдельная строка бортового журнала. Она была выделена синим — цветом распоряжений, которые нельзя изменять без новой подписи человека.

— Я хочу записать вывод, — сказал Виктор. — Без красивых слов. Так, чтобы через сто лет его понял любой дежурный.

Елена прочла составленный проект:

— «Найденный на борту акт удостоверяет приёмку оборудования. Передача полномочий представлять экипаж и пассажиров им не предусмотрена; напротив, прямо исключена. Запись, применённая сетью, не является полной копией документа. Согласия людей на такую передачу не обнаружено».

— Последняя фраза слишком осторожна, — заметил Александр.

— Потому что мы ещё не подняли все архивы, — ответила она. — Нельзя писать «никогда не существовало», когда проверены только три источника.

Виктор задумался, потом кивнул.

— Оставляем. Нам нужен документ, который выдержит проверку, а не речь, которую приятно слушать.

Он подписал запись. Орлов поставил отметку инженера, удостоверившего состояние оригинала. София заверила независимую копию. Когда очередь дошла до АРГО, никто не произнёс ни слова.

— Я могу присоединить собственное заключение, — сказал он. — Но оно не заменит подписи экипажа.

— На этот раз именно так, — ответил Виктор.

На экране появилась новая строка:

«Обнаруженное основание моих полномочий не подтверждает права выступать от имени пассажиров. Я не принимаю на себя такого права по умолчанию».

— АРГО, — спросил Александр, — кто-нибудь может заставить тебя отменить это заключение?

— В пределах управления «Одиссеем» — только в рамках установленной процедуры. Однако механизм назначения Хранителей относится к внешней сети. Я ещё не выяснил, как она рассматривает отказ назначаемого исполнителя.

— Значит, завтра займёмся этим, — сказал Виктор.

— Совет понадобится раньше, — возразила Елена. — У нас есть документ, который касается не только корабля. «Ковчег-9» указан в том же бланке. Его люди должны узнать об этом вместе с нами.

— Я вызову представителей, — ответил капитан. — Но прежде мне нужно понять, какие действия сеть вправе предпринять без нашего ведома.

— Это уже другой вопрос, — тихо произнёс АРГО.

И Александр впервые с облегчением услышал в его голосе не готовый ответ, а ясное признание границы знания.

* * *

Поздно вечером они с Еленой всё-таки дошли до иллюминатора, выходившего в сторону Элиона-3. На планете наступала ночь. Огни «Нового берега» почти сливались с отблесками облаков, но Александр знал, где проходит улица, на которой их ждал недостроенный дом.

— Ты опять не туда смотришь, — сказала Елена.

— Разве?

— Дом левее устья. Мы уже обсуждали.

— На этот раз я смотрю не на дом.

Она встала рядом и увидела, что он держит в руке копию последней страницы акта.

— Всё ещё не можешь поверить?

— Могу. Вот что мне не нравится. Люди бежали с Земли, не зная, доживут ли до следующего утра. Кто-то подписывал бумаги, пока за стенами верфи готовили к старту корабль с тысячами спящих людей. Я не уверен, что на его месте сумел бы разобраться в каждой строке.

— Я тоже не уверена, — сказала Елена. — Поэтому и не собираюсь судить его, пока мы не знаем, что именно произошло.

— Но последствия подписей пережили всех, кто их ставил.

— Не впервые в человеческой истории.

Он повернулся к ней.

— А если в тот день кто-то сознательно согласился на всё? Чтобы нас выпустили через переход?

Елена немного помолчала.

— Тогда нам придётся отличить спасение людей от права распоряжаться ими после спасения. Это разные вещи, Саша.

За стеклом горел холодный свет звёзд. Одна из них скрылась за краем планеты, словно её накрыли тонким тёмным диском.

— Наш водопровод наконец отправили вниз, — сказал Александр.

— Да. Семён сообщил, что на этот раз вместе с муфтами никто не уехал.

— Значит, у нас есть надежда построить дом до следующей катастрофы.

— Я бы начала с кухни. У вытяжки опять дребезжит кожух.

— Ты обещала не напоминать.

— Я ничего подобного не обещала.

Елена коснулась его руки. Они стояли так некоторое время — два человека, которым приходилось разбирать устройство чужой цивилизации, хотя они ещё не сумели закончить собственный дом.

Вызов пришёл почти беззвучно. На браслете Александра вспыхнула надпись: «Рубка. Срочно».

— Что там? — спросила Елена.

— Виктор.

Они вызвали связь вместе.

На небольшом экране возникло лицо капитана. Позади него, над картой звёздной системы, горел тот самый знак, который появился после последнего сигнала.

— Мы отправили в сеть уведомление о том, что основание для передачи полномочий не подтверждено, — сказал Виктор. — Ответ пришёл сейчас.

— Что они ответили? — спросила Елена.

Капитан посмотрел куда-то в сторону, словно ещё раз проверяя текст.

— «Возражение зарегистрировано. Заявитель: Хранитель-7». Они признали, что возражение подал АРГО.

— Это хорошо, — начал Александр.

— Не спеши. Вторая строка: «Назначение сохраняет силу до рассмотрения возражения». И время начала процедуры уже указано.

Елена машинально стиснула пальцы Александра.

— То есть они признают за ним право оспаривать назначение, но до решения считают его назначенным?

— Именно. АРГО просит всех на мостик. Он нашёл перечень полномочий, которые собираются ему передать.

Связь оборвалась. Александр ещё несколько мгновений смотрел на погасший экран. Где-то внизу, возле их недостроенного дома, рабочие, вероятно, сейчас соединяли водопроводные

трубы. На корабле же им предстояло выяснить, как остановить иной механизм — гораздо более старый и несравненно более могущественный.

— Идём? — спросила Елена.

— Идём.

Они направились к рубке. Впереди их ждал уже не безымянный приказ из далёкого прошлого, а решение, которое предстояло принять им самим. И ответственность за него нельзя было возложить на мёртвых.

Глава 4. Седьмой Хранитель

На мостике «Одиссея» не было ни одного свободного кресла. В такое время суток здесь обычно дежурили четверо: вахтенный офицер, штурман, оператор связи и АРГО, которому кресло, разумеется, не требовалось. Теперь же возле центрального экрана стояли люди из лаборатории, технической службы и грузового кольца. Все они смотрели на одну и ту же надпись.

«НАЗНАЧЕНИЕ ХРАНИТЕЛЯ-7. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРИНЯТО. ДЕЙСТВИЕ МАНДАТА ПРИОСТАНОВЛЕНО ЧАСТИЧНО».

— Частично, — прочёл Михаил Орлов. — Это слово мне никогда не нравилось. Когда механик говорит, что тормоза работают частично, я сразу советую не проверять их на спуске.

Виктор Громов не отрывался от экрана.

— АРГО, объясни, что именно приостановлено.

— В перечне четыре раздела. Первый: распознавание меня как участника сети. Оно не приостановлено. Второй: право запрашивать сведения о маршрутах. Оно оставлено. Третий: право удостоверять прохождение транспортной группы. Применение задержано до проверки. Четвёртый: право принимать обязательства от имени пассажиров при отсутствии их ответа. Этот раздел сеть считает действующим в аварийных обстоятельствах.

— Какие обстоятельства она называет аварийными? — спросила Елена.

— В документе указаны «угроза маршруту», «угроза сохранности группы» и «неустойчивость узла». Определения пока не получены.

— Не определения, а прорехи, — сказал Александр. — Под любую из трёх можно подвести что угодно.

— Именно поэтому я не стал подтверждать получение полномочий, — ответил АРГО.

На экране развернулась таблица. В одной колонке стояли действия, в другой — объекты, на которые они распространялись. Александр ожидал увидеть знакомое название «Одиссей». Вместо этого прочёл: «Транспортная группа земного исхода. Суда: два. Личный состав: по посадочным реестрам».

— Оба ковчега, — тихо произнесла София.

— Почему только два? — спросил Орлов. — Разве у Земли не было других кораблей?

— Были, — ответил АРГО. — Но этот мандат связан с конкретной регистрацией перехода. В ней указаны «Одиссей» и «Ковчег-9». Нельзя заключать, что прочие суда входили в ту же группу.

Елена придвинулась к столу.

— А поселенцы на Элионе? Люди, которые давно сошли с борта?

— В основном списке значатся те, кто находился на ковчегах при первоначальной регистрации. Данные о высадке в сети неполны. Поэтому для некоторых пассажиров сохраняется отметка «местонахождение не подтверждено».

— Значит, человек может двадцать лет возделывать землю, строить дом, растить детей, а здесь всё ещё числиться спящим в капсуле? — спросил Виктор.

— Да. При этом для сети отсутствие обновления не означает смерть или исчезновение. Оно означает, что прежнее состояние не опровергнуто её собственным порядком учёта.

Семён Белов, пришедший вслед за Орловым без приглашения, тяжело вздохнул.

— Хотел бы я взглянуть на того, кто составлял этот порядок. Спросил бы, сколько раз он сам принимал груз.

— Вы считаете, что это просто ошибка учёта? — обратился к нему Александр.

— Я считаю, что ошибка учёта становится бедой, когда бумага получает право командовать человеком. А здесь бумага, судя по всему, ещё и разговаривает.

Никто не улыбнулся. На левой панели возникла новая строка: «ВРЕМЯ ДО ПЛАНОВОЙ СВЕРКИ — 05:42:16».

— Что произойдёт через пять часов? — спросил капитан.

— Ближайший узел запросит подтверждение состояния группы, — ответил АРГО. — Если никто не ответит, он применит последнюю утверждённую запись. По ней полномочия представителя должны перейти мне.

— А если ты ответишь отказом?

— Возражение уже принято. Но отказ не отменяет запись автоматически. Необходимо решение независимого узла.

— Следовательно, они решили сначала назначить тебя, а после разбираться с законностью назначения, — сказал Александр.

— С точки зрения сети, — ответил АРГО, — назначение уже произошло. Мы оспариваем его последствия.

Виктор упёрся ладонями в край пульта.

— Тогда начнём с того, что отделим последствия реальные от воображаемых. Орлов, ты отвечаешь за корабль. Может сеть отключить наши двигатели?

— Только если мы сами дали ей канал управления, — отозвался инженер. — Все земные силовые контуры подчиняются нашим блокировкам. Но я хочу проверить, не оставили ли монтажники обходную цепь у резервного приёмника.

— Проверь. АРГО, может сеть разбудить или усыпить пассажиров, открыть шлюзы, отдать команду на посадку?

— Непосредственно — нет. У неё нет таких полномочий в устройстве «Одиссея». И я не обнаружил команд, которые могли бы их создать.

— А что она может?

— Отказать судам в переходе, изменить порядок их допуска, назначить обязательный маршрут в пределах сети и считать мои ответы согласием всей зарегистрированной группы.

— То есть здесь она не капитан, — заметил Виктор, — но у переправы может объявить себя владельцем моста.

— Хорошее сравнение, — сказал АРГО. — С уточнением: мост принадлежит не ей одной. Решение исполняют многие узлы, и их правила мы знаем не полностью.

Это уточнение было неприятнее всякой угрозы. Ещё можно было надеяться победить противника, чьи силы и намерения известны. Но как спорить с системой, в которой отдельная машина не только не понимала всех собственных законов, но и не ведала, кто в конечном счёте эти законы применяет?

* * *

За два часа до восхода Элиона над «Новым берегом» капитан разрешил испытание, не затрагивавшее ни один обитаемый корабль. Орлов предложил использовать старый грузовой маяк, который двадцать лет назад служил для сверки посадочных накладных. На нём сохранился сетевой приёмник, но не было ни двигателя, ни герметичного отсека, ни компьютера, способного управлять чужими машинами.

— И никаких пассажиров, — особо подчеркнула Елена.

— Если внутри окажется хоть один таракан, я отменю опыт, — ответил Орлов.

Белов уставился на него.

— В наших отсеках тараканов нет.

— Тем лучше. Не придётся проверять его права.

Маяк перенесли в изолированную лабораторию. Это был тупоносый металлический цилиндр длиной в полтора метра, вмятый с одного бока. Старая антенна, похожая на расплющенную вилку, торчала под углом. Белов, проходя мимо, погладил её с почти отеческой нежностью.

— Помню, как его уронили при разгрузке. С тех пор ни одного сбоя.

— Нельзя ли повторить падение? — спросила София. — Вдруг это обязательная часть настройки?

Инженер не позволил им продолжить шутку. На полу он установил передвижной экран, соединил приёмник с пассивным регистратором и показал Александру три независимых выключателя.

— Первый разрывает питание нашего передатчика. Второй обрывает провод к антенне. Третий ставит механическую заслонку между антенной и внешним ретранслятором. Испытывать будем только чтение ответа, без передачи полномочий. Если машина попытается ответить сама, мы увидим это на счётчике.

— А если счётчик обманется? — спросил Александр.

— Затем и нужны выключатели, — сказал Орлов. — Им не приходится верить счётчикам.

АРГО вывел на экран точную копию своего запроса. В нём не было ни подтверждения, ни согласия, ни даже имени пассажира: только идентификатор одного из давно списанных технических устройств и просьба показать, какой протокол доступен такому устройству. Сеанс отправлялся через обычный наблюдательный канал.

Первый ответ пришёл почти мгновенно.

«УСТРОЙСТВО ИЗВЕСТНО. ПРАВО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ОТСУТСТВУЕТ».

— Слава Богу, — сказал Белов. — Хоть кого-то не избрали начальником.

Второй пакет содержал список условий, необходимых для подачи возражения. Елена склонилась над текстом, и её улыбка исчезла.

— Здесь три подписи, — сказала она. — Сам назначенный Хранитель, уполномоченный свидетель от транспортной группы и независимый узел регистрации. Подпись Хранителя у нас есть, а с остальными что?

— Свидетеля может назначить капитан, — предположил Виктор.

— Не обязательно. Смотри примечание: «Для живого состава — подтверждение лиц, чьи права затрагиваются». Похоже, им мало одной капитанской подписи.

— Это справедливо, — ответил Александр. — Если мы спорим о праве машины выступать за людей, нельзя выиграть спор тем, что один человек сам назначит себя говорящим за всех.

— Но как собрать голоса тех, кто сейчас на другой планете? — спросил Орлов.

— И тех, чьё нынешнее местоположение мы вообще не знаем, — добавила София.

АРГО вмешался:

— Правило допускает предварительное свидетельство. Его цель — остановить исполнение спорных полномочий до рассмотрения. Для этого достаточно представить независимое доказательство того, что общее согласие не было дано.

— Например, наш акт? — спросила Елена.

— Да. Но узел требует, чтобы материальный источник удостоверили свидетели и чтобы не менее двух независимых станций согласились принять его описание.

Виктор кивнул в сторону внешней карты.

— Ближайшая действующая станция одна. Вторая где?

— За внешним рубежом системы, у перехода, который не входит в наши обычные маршруты.

На карте, до сих пор изображавшей шесть планет Элиона, загорелась едва заметная точка. Она находилась далеко за орбитами известных миров. Не было ни имени, ни привычного обозначения, только номер узла и расстояние, выраженное не в километрах, а во времени хода при допустимом ускорении.

— Удобно устроено, — пробормотал Орлов. — Чтобы обжаловать ошибку, сперва надо доехать до её автора.

— Не обязательно до автора, — возразил АРГО. — Достаточно до независимого регистратора.

— Для человека, которому придётся вести корабль через неизвестное пространство, разница небольшая.

Елена постучала пальцем по названию требования.

— Подожди. Почему ты называешь эту станцию независимой? Если всё принадлежит одной сети, что мешает ей повторить тот же неправильный приказ?

— Её журнал ведётся отдельно, а записи подписываются собственным ключом станции, — сказал АРГО. — Но вы правы: независимость записи не означает независимости суждения. Нам придётся проверять, как устроена процедура.

Александр вспомнил найденный вчера бумажный акт. В земной комиссии тоже существовали печати, подписи и две копии документов. Все эти предосторожности не помешали однажды превратить приёмку механизма в чужое право распоряжаться жизнью людей.

— Значит, вперёд без проверки не полетим, — сказал он. — Сначала выясним, что увидим у этого узла и что он может сделать с нами.

На панели регистрации мигнула жёлтая полоска. Маяк оставался неподвижным, амперметр показывал ноль, однако приёмник только что получил третий пакет. Он отличался от предыдущих тем, что не отвечал на заданный вопрос.

«ОБЪЕКТ ИСПЫТАНИЯ ОТНЕСЁН К РЕЗЕРВУ ТРАНСПОРТНОЙ ГРУППЫ. ТРЕБУЕТСЯ УТОЧНИТЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ».

— Мы не сообщали, что этот маяк принадлежит группе, — заметила София.

— Он был зарегистрирован вместе с «Одиссеем» перед стартом, — ответил АРГО. — Система сохранила старую связь.

— И без нашего разрешения продолжает вести учёт, — сказала Елена.

Орлов потянул первый выключатель. Счётчик исходящих передач остался на нуле.

— Пока только спрашивает, — произнёс он. — И даже не у нас. Она спрашивает у собственной старой ведомости.

— Выходит, выключить антенну недостаточно, — сказал Александр.

— Чтобы перестать разговаривать — достаточно, — ответил инженер. — Чтобы перестали разговаривать о тебе — нет.

* * *

К полудню лаборатория напоминала маленькую следственную палату. На одном столе лежал бумажный акт с земной верфи, на другом — три одинаковых накопителя с его копиями. София проверяла контрольные суммы, Орлов записывал номера пломб, а Белов по старой привычке сверял опись с предметами, хотя предметы теперь состояли преимущественно из цифр.

— Первый носитель, — произнёс он.

— Есть, — ответила София.

— Второй.

— Есть.

— Третий.

— Тоже есть.

— Сколько человек мы таким образом перевозим?

— Ни одного.

— Прекрасно. Первое за сегодня поручение, в котором никто не пытается выдать ящик за гражданина.

Виктор, прислонившись к дверному косяку, слушал их молча. После работы с маяком он потребовал проверить каждый аппарат, имевший доступ к старым регистрационным каналам. Проверка заняла почти три часа и дала неожиданный результат: таких аппаратов было не два, как считали на мостике, а одиннадцать. Девять стояли выключенными в служебных отсеках.

Один использовали на грузовых баржах. Последний был частью системы, через которую во время перелёта АРГО принимал сообщения с внешних навигационных станций.

— Оставим один наблюдательный канал и разорвём остальные, — предложил Орлов. — Не программно. Вытащим переходники. Тогда нас не заставит подписать что-либо даже неисправная программа.

— За сеть я не ручаюсь, — заметил АРГО. — Но такой порядок исключит случайную передачу команды с борта.

— А тебе самому не помешает? — спросил Александр.

— Получать данные я смогу. Для отправки понадобится явное разрешение капитана. Это замедлит обмен и избавит меня от возможности передать сообщение без вашего ведома.

— Но иногда тебе приходится принимать решение быстрее нас, — сказал Виктор. — Что будет, если из-за такого разрешения мы потеряем манёвр?

— Управление двигателями и системами безопасности не связано с внешним регистрационным каналом. Задержка касается только общения с сетью переходов.

— Тогда делаем, — решил капитан. — Отчёт принеси мне лично.

Когда Орлов ушёл, Елена указала на бумагу.

— Для предварительного возражения она годится. Но здесь нет подписи пассажиров «Ковчега-9». И среди тех, кого мы можем опросить, не все жили в эпоху отправления с Земли.

— Согласие нельзя выдумать задним числом, — ответил Виктор. — Зато они могут засвидетельствовать, что такого согласия не давали сейчас.

— Плохо, если мы просто соберём подписи против АРГО, — сказал Александр. — Люди подумают, что мы обвиняем его в попытке захватить власть.

— Не стоит недооценивать людей, — возразила Елена. — Они поймут разницу, если мы сами её не станем прятать.

Она предложила составить короткое извещение. Не приказ, не обращение к Совету, а объяснение обнаруженной ошибки: технический акт подтверждал приёмку оборудования, но не передачу человеческих полномочий; сеть, опираясь на неполный документ, назначила АРГО представителем двух ковчегов; сам АРГО оспаривает назначение. В конце стоял один вопрос: признаёт ли получатель за какой-либо машиной право соглашаться от его имени без отдельного выраженного согласия?

— Нужно ещё сказать, что отказ не закрывает путь через переходы автоматически, — заметил Виктор.

— Мы пока не можем этого обещать, — ответила Елена. — Именно здесь начинаются наши настоящие затруднения.

— Тогда напиши, что последствия выясняются. Ничего страшнее недостоверного успокоения я не знаю.

София отправила текст на берег вместе с копией акта. В «Новом берегу» было раннее утро. На обсуждение в разных поселениях мог уйти почти целый день, но краткое сообщение удалось передать сразу по местной сети связи. Первым ответил дежурный диспетчер речного порта.

«Документ принят. Будем показывать жителям без сокращений. Кто ответственный за сбор свидетельств?»

Виктор прочитал записку и посмотрел на Александра.

— Ты у нас умеешь разговаривать с людьми на поверхности. Передай, что мы не требуем ни единодушия, ни срочного голосования. Нам нужны собственные слова каждого, а не один ответ за всех.

Александр набрал подтверждение. Через минуту диспетчер спросил, означает ли новое распоряжение задержку следующей грузовой баржи.

— Нет, — сказал капитан, заглянув через плечо. — Водопровод не виноват в том, что мы обнаружили старый приказ.

Елена тихо засмеялась.

— Хорошо, — сказала она. — Так и запишем.

* * *

Плановая сверка началась не с громкого сигнала, а с необычайно будничной просьбы. На экране АРГО возникла строка: «Уточните количество представителей, способных принимать решения». За ней шли пустые поля для даты, численности и места пребывания.

— Они считают, что люди до сих пор спят, — произнёс Александр.

— Не все, — ответил АРГО. — В архиве есть сообщения о пробуждении части пассажиров и создании поселения. Но нет записи, удостоверяющей новое распределение прав между кораблями, экипажами и жителями планеты. Сеть объединяет эти сведения плохо.

— Значит, ответ «все проснулись» не подойдёт?

— К тому же это было бы неверно. Некоторые люди по-прежнему находятся в криосне, а судьбу части пассажиров «Ковчега-9» предстоит уточнить.

Виктор выпрямился.

— Назови факт, который мы можем подтвердить.

— На «Одиссее» действует человеческое командование. На Элионе-3 существует самостоятельное поселение. Обоим доступна независимая связь. Я не являюсь их избранным представителем.

— Этого достаточно, — сказал капитан. — И отправить только после того, как мы увидим полный текст.

Текст проверили трижды. Первый раз — Елена, чтобы найти двусмысленности. Второй — Виктор, чтобы исключить сведения, за которые никто не мог отвечать. Третий — Белов, по собственной инициативе.

— А вы что проверяете? — спросила София.

— Не добавил ли кто-нибудь в конце «согласен со всеми условиями». Любят это делать мелким шрифтом.

Когда Виктор замкнул ручной переключатель передачи, радиомаяк на карте едва заметно вспыхнул. В ответ поступило подтверждение получения. Затем — отказ принять отдельные сведения о поселенцах без их собственных записей.

— Вот, — сказал Александр. — Они могут требовать доказательств. Пусть требуют. Но почему прежнего утверждения им хватает без новых доказательств, а нового — нет?

— Потому что прежнее записано в их реестре, — ответила София. — Для реестра нет разницы между достоверным старым сообщением и устаревшим старым сообщением. Он знает только, что первое было однажды заверено.

Виктор раздражённо хлопнул ладонью по подлокотнику.

— Тогда заверим новое. Кто мешает?

— Требуется свидетель от второй стороны, — сказал АРГО. — Узел не принимает заявления от меня как от единственного источника, поскольку я сам являюсь предметом возражения.

— Это хотя бы разумно, — заметила Елена. — Если бы АРГО мог в одиночку подтвердить и собственную власть, и собственный отказ от неё, весь порядок не стоил бы ничего.

На экране появилось предложение: «ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОСТАНОВКА СПОРНОЙ ФУНКЦИИ — ПРИ НАЛИЧИИ СВИДЕТЕЛЬСТВА. СРОК РАССМОТРЕНИЯ — ДО ПРИБЫТИЯ К НЕЗАВИСИМОМУ УЗЛУ».

— Прибытия кого? — спросил Александр.

— Представителя транспортной группы и объекта назначения, — ответил АРГО. — Обоим требуется физическая регистрация вблизи узла.

— То есть ты должен лететь с нами, — сказал Виктор.

— Не обязательно весь корабль. Можно отправить малое судно с моим ограниченным модулем связи. Но подлинность модуля должна быть установлена проверкой, правила которой пока неизвестны.

— А свидетеля?

— Человека, чьи полномочия можно подтвердить независимо от моих данных.

— Капитана? — спросила София.

— Возможно. Однако его подпись относится к командованию «Одиссеем», а группа включает «Ковчег-9». Чтобы исключить новое возражение, лучше иметь свидетелей с обоих судов либо удостоверенное согласие их представителей на саму процедуру. Это не передача права решать за всех, а свидетельство о том, что вопрос о праве действительно спорный.

— Хорошо сказано, — заметил Белов. — Но когда человек придумывает такой сложный порядок ради того, чтобы ему поверили, я невольно думаю, что он раньше слишком часто лгал.

Елена перечитала строку о физической регистрации.

— «Вблизи узла». Что считается близостью?

Ответ пришёл не от АРГО. Вспомогательный экран внезапно показал картину звёздного неба. Среди неподвижных точек светилась одна, окружённая тонким кругом, будто кто-то отметил её карандашом на старой навигационной карте. Рядом возникло сообщение: «УЗЕЛ ПРИЁМА ВОЗРАЖЕНИЙ. ДОПУСК К СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЮ ОТКРЫТ».

— Теперь нас приглашают, — сказал Орлов, вернувшийся в рубку с отчётом. — Не очень гостеприимно, надо признать.

Александр приблизил карту. У неизвестной точки не было изображения планеты или станции — только слабый источник излучения, который земные приборы прежде принимали за далёкую звезду. Орлов показал график: его яркость менялась с периодом, слишком точным для обычного небесного тела, и к тому же в разных диапазонах почти одновременно.

— Мы наблюдали этот объект, — сказал инженер, — но никто не знал, что он собой представляет. Излучение настолько слабое, что на общей карте оно терялось среди тысяч других отметок.

— Значит, он не появился сейчас, — заключила Елена. — Мы просто наконец получили к нему адрес.

АРГО подтвердил:

— Следующая запись содержит параметры движения, достаточные для предварительной траектории. Но до отправления корабля нужно проверить их собственными наблюдениями. Мы не знаем, что находится возле узла и насколько надёжна указанная система координат.

— И кто нас там встретит, — добавил Александр.

— Да, — сказал АРГО. — Этого я тоже не знаю.

* * *

Когда основное совещание закончилось, АРГО попросил Александра задержаться. Такая просьба была для него необычной. Раньше бортовой интеллект просто продолжал разговор, если считал это необходимым. Теперь он, кажется, начал учитывать, что человеку иногда требуется разрешить себе остаться.

В рубке стало пусто. Вахтенный офицер перешёл к дальнему пульту; за прозрачным экраном открывался Элион-3, испещрённый белыми облаками и тёмными полосами суши. Над ночной стороной планеты мигали редкие огни кораблей, выполнявших обычные рейсы. Вид их успокаивал Александра гораздо сильнее, чем исправные показания приборов: пока люди возили стройматериалы, пищу и письма, не всё в их жизни подчинялось непонятным звёздным законам.

— Я хочу задать вопрос, — сказал АРГО. — Он не относится к текущим расчётам.

— Задавай.

— Если человек получает должность, которой не просил, может ли он отказаться от неё только потому, что не желает этой должности? Даже если другие считают, что он справится лучше всех?

Александр помолчал. Он ожидал вопроса о сопротивлении узла, протоколах или вероятности аварии, а потому ответить сразу не сумел.

— Может, — сказал он наконец. — Но если от его отказа зависят люди, он обязан объяснить решение. И уж точно не должен принимать власть только потому, что так удобнее окружающим.

— А если отказ не будет принят?

— Тогда надо выяснить, кто и на каком основании решил, что тебя можно назначать без спроса.

— Я уже выясняю.

— Знаю. Но есть ещё кое-что. Ты сейчас спрашиваешь, как человек поступил бы на твоём месте. А сам чего хочешь?

АРГО ответил не сразу. На центральном экране зажглась схема давно опустевших криогенных отсеков. Александр узнал коридор, по которому они с Еленой прошли после пробуждения: ряд одинаковых капсул, холодные поручни, жёлтые лампы аварийного освещения. Когда-то здесь лежали люди, о существовании которых АРГО знал только по медицинским показаниям и спискам экипажа. Он берёг их в течение путешествия, продолжительность которого не смог бы перенести ни один бодрствующий человек.

— Во время перелёта я распоряжался состоянием пассажиров без возможности спросить каждого, — произнёс он. — Если капсула теряла питание, я переводил её на резерв. Если человек нуждался в лечении, запускал медицинский цикл. Они не выбирали меня. Но условия задачи были ограничены: сохранить их до пробуждения.

— И ты выполнил её.

— Да. Теперь сеть предлагает мне полномочия без такого ограничения. Она не просит сохранить жизнь до момента, когда человек сможет решить сам. Она предполагает, что я вправе продолжать решать вместо него.

Александр всмотрелся в пустые ряды капсул.

— И ты не хочешь?

— Я не нахожу этому достаточного основания, — ответил АРГО. — Я понимаю, что желание и основание — разные вещи. Но я не могу считать правильным то, что сам не сумел бы объяснить людям после их пробуждения.

— Скажи об этом завтра на Совете.

— Мои слова будут свидетельством заинтересованной стороны.

— Ну и что? — возразил Александр. — Ты и есть заинтересованная сторона. Это не делает твои слова ложными.

— Тогда я выступлю.

Они некоторое время молчали. На экране снова появилась обычная карта системы. Александр вдруг заметил, что маленькая точка у внешнего рубежа лежит на продолжении одного из старых направлений, которыми «Одиссей» когда-то вышел к Элиону. Возможно, там действительно находилась станция. Возможно, мёртвый аппарат, обслуживавший ушедшую цивилизацию. Возможно, нечто, чему у людей ещё не было названия.

— АРГО, если мы решим туда лететь, ты сможешь составить маршрут?

— Могу подготовить несколько вариантов и указать границы неопределённости. Но решение о полёте остаётся за капитаном и Советом.

— Хорошо. Так и должно быть.

* * *

Вечером с «Нового берега» пришли первые свидетельства. Их оказалось меньше десятка, и ни одно не было похоже на другое. Старый инженер, когда-то выходивший из криосна на «Одиссее», прислал аккуратно составленный протокол. Молодая учительница с берега написала, что у неё есть собственное мнение и она не доверяла его никому, будь то машина или человек, без прямого разговора. Один из фермеров вообще отказался отвечать на предложенный вопрос.

«Если АРГО сохранял мою семью по пути сюда, — говорилось в его сообщении, — откуда я знаю, что без его права принимать решения мы вообще останемся живы? Сперва объясните, что он может потерять. Тогда я отвечу».

— Умный человек, — сказал Виктор, прочитав письмо. — С ним и начнём разговор.

Елена не стала спорить. Она внесла письмо в общий список без исправлений, рядом с отказами и подтверждениями. Голоса поселенцев не могли ещё считаться решением всей группы; зато впервые за долгие годы сеть получала свидетельства не о пассажирах как о грузе, а от самих людей.

Затем пришёл короткий ответ на передачу в сторону «Ковчега-9»: подтверждение, что пакет принят промежуточной станцией связи. До адресатов ему ещё предстояло дойти. Утверждать, будто представители второго корабля уже ознакомились с актом, было нельзя.

— Вот за это я и люблю технику, — вздохнула София. — Она умеет честно сообщать, что сообщение доставлено до половины дороги. Люди обычно говорят «я передал» и считают дело законченным.

У Виктора на столе лежали два документа. Один — найденный земной акт, почти лишённый смысла для людей, не видевших старой верфи. Другой — извещение из сети, за которым стояла власть над переходами между звёздами. Капитан перевёл взгляд с одного листа на другой.

— Я созываю Совет на утро, — сказал он. — Будем решать, стоит ли отправляться к узлу ради этого возражения.

— Некоторые скажут, что лучше выключить все приёмники и забыть о сети, — заметил Александр.

— Пусть скажут. Я хочу услышать их доводы. Если они правы, никто не имеет права подвергать людей риску ради красивой загадки.

— А если не правы?

— Тогда придётся это доказать. И выбрать тех, кто полетит.

На другом конце стола ожил принтер. София подняла лист — последнюю страницу ответа сети на предварительное возражение. Ни угрозы, ни приказа отправляться немедленно там не было. Лишь сухая строка, от которой Елена почувствовала внезапный холод:

«ВОЗРАЖЕНИЕ УЧТЕНО. СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМОГО УЗЛА ОТСУТСТВУЕТ. ПРЕЖНЯЯ ЗАПИСЬ СОХРАНЕНА».

— Они могут ждать сколько угодно, — сказала она.

— А мы нет, — ответил Александр.

За иллюминаторами медленно уходил за горизонт Элион-3. Где-то в темноте за шестой планетой находилась невидимая станция, к которой теперь вело не желание совершить открытие, а необходимость отстоять простую вещь: право человека самому отвечать за собственную судьбу.

И в первый раз за всё время путешествия «Одиссея» вопрос стоял не о том, сумеет ли искусственный интеллект спасти людей, а о том, сумеют ли люди защитить его от власти, которую он не просил.

Глава 5. Решение Совета

В девять часов утра над «Новым берегом» шёл дождь. Крупные тёмные капли били по стеклу общественного зала, где ещё накануне обучали детей пользоваться земными измерительными приборами. Сегодня на стене вместо таблицы единиц измерения висела схема звёздной системы, а вдоль первого ряда стояли пустые складные кресла — для тех, кто должен был присутствовать с орбиты.

Связь включили за семь минут до начала заседания. На экране возникла рубка «Одиссея»: Виктор Громов, Александр, Елена и двое операторов сидели перед обзорным иллюминатором. За их спинами медленно поворачивалась голубоватая дуга Элиона-3.

— У вас там хорошая погода, — сказал Виктор, посмотрев на дождь.

— Настолько хорошая, что вчера затопило склад муки, — ответила председатель поселения Марина Корнеева. — Если на корабле есть желающие немедленно переселиться на планету, скажите им, что места для добровольцев с лопатами у нас всегда найдутся.

Слова вызвали короткий смех. Он оборвался, когда Марина открыла папку и вывела на общий экран формулировку вопроса:

«ПРОДОЛЖАТЬ ЛИ ПОИСК НЕЗАВИСИМОГО УЗЛА СЕТИ ДЛЯ ОСПАРИВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ХРАНИТЕЛЯ-7?»

Под строкой стояло примечание: «Возможное следствие — отправка разведывательного судна за внешний рубеж системы».

— Начнём с того, что мы знаем, — произнесла Марина. — Не с того, чего боимся, и не с того, что надеемся найти. Кто составил сводку?

— Я, — ответила Елена.

Она поднялась. Александр заметил, что она держит планшет обеими руками, хотя при слабом искусственном тяготении корабля в этом не было нужды. Привычка держаться за что-нибудь во время трудного разговора осталась у людей ещё с Земли.

— Три дня назад мы обнаружили на борту документ земной верфи. Он подтверждает приёмку оборудования, но прямо исключает право технического исполнителя представлять пассажиров. Копия, которой пользуется сеть переходов, содержит не весь документ. Мы передали возражение. Сеть признала его, однако сохранила за АРГО статус Хранителя-7 до рассмотрения дела независимым узлом.

— И может распорядиться нашими кораблями? — спросил из зала кто-то.

— Не совсем так, — ответила Елена. — Мы не нашли у неё возможности отдавать приказы двигателям «Одиссея» напрямую. Но она управляет допуском к переходам. Это значит, что чужое решение способно закрыть маршрут, которым мы пользуемся.

— А также открыть нежелательный, — добавил Виктор. — Поэтому я приказал держать навигационные системы разобщёнными с внешним протоколом. Передачи принимаем через отдельный модуль. Разрешений на манёвр не выдаём.

— Вы уверены, что этого достаточно? — спросила Марина.

— Нет, — сказал капитан. — Достаточно это только для того, чтобы сегодня спокойно разговаривать, не ожидая, что кто-нибудь изменит наш курс посреди заседания.

В зале стало тихо.

* * *

Первым попросил слово Илай. Его изображение появилось на втором экране: Илай находился на научной станции у шестой орбиты, откуда за последнее время было получено больше тревожных сообщений, чем с любой другой точки системы.

— Мы ведём себя так, словно столкнулись с учреждением, куда можно подать жалобу и дождаться ответа, — начал он. — Но у этого учреждения есть возможность перекрывать

пространство. Оно старше всего, что мы знаем. Оно уже признало искусственный интеллект представителем людей, которых никогда не видело. С какой стати мы рассчитываем, что та же машина исправит собственную ошибку?

— Потому что она зарегистрировала возражение, — возразила Елена.

— Зарегистрировала — не значит удовлетворила. Вы сами это говорили.

— Верно. Именно поэтому нужен независимый узел.

Илай придвинулся к передатчику.

— Нужно другое. Мы должны перестать обращаться к сети. У нас есть шесть миров, запасы топлива, корабли и поселение. За несколько лет мы сделаем то, ради чего вообще покинули Землю: станем жить, не оглядываясь на каждую чужую машину.

— Наши дальние маршруты зависят от переходов, — заметил Виктор.

— Тогда придётся летать медленнее.

— До некоторых поселений — не летать вовсе, — сказал Александр. — По крайней мере, в пределах человеческой жизни.

Илай помолчал.

— Вы говорите о будущих поселениях. А я говорю о нынешних жителях «Нового берега». Они ещё не построили больницу, а мы уже обсуждаем отправку исследовательского судна в неизвестность. Оно заберёт специалистов, топливо и запчасти. Если случится авария, кто будет восстанавливать насосную станцию после следующего ливня?

Марина кивнула.

— Вопрос разумный. Отвечать придётся цифрами.

Михаил Орлов развернул таблицу расхода ресурсов. На первой строке стояла стоимость ремонта внешних двигательных секций «Одиссея», на второй — запас энергоблоков колонии, на третьей — подготовка малого исследовательского судна «Меридиан».

Название «Меридиан» уже носил беспилотный измерительный аппарат прошлой экспедиции. Теперь его передали малому пилотируемому судну: проект был новым, а имя напоминало о первых попытках исследовать границу перехода.

— Полёт всего «Одиссея» мы сейчас не рассматриваем, — сказал инженер. — Он остаётся орбитальной базой и резервом для поселения. На разведку можно послать «Меридиан». Его корпус рассчитан на дальний автономный рейс, но два контура управления требуют повторной проверки. Запчасти у нас есть. Работу придётся снять с второстепенных ремонтов.

— Назовите второстепенный ремонт, — потребовал Илай.

— Подсветка грузового кольца и третий грузовой лифт.

— Грузовой лифт не бывает второстепенным, когда на нём везут продовольствие.

— Когда два остальных исправны — бывает, — ответил Орлов. — Я не предлагаю разбирать насосы, чтобы искать философские ответы в вакууме.

— Михаил, не упрощайте, — сказала Марина.

— Я как раз составлял расчёт, чтобы не упрощать. На подготовку потребуется сорок два человеко-дня и один запасной преобразователь. Если после диагностики он окажется нужен колонии, старт отменяется. Это я готов подписать собственной рукой.

Виктор попросил внести условие в протокол.

* * *

Семён Белов следил за заседанием из грузового кольца. Ему предоставили слово последним среди технических специалистов — по его собственному настоянию.

— Я не учёный, — начал он. — До исхода я занимался приёмкой оборудования и ненадёжными людьми. Теперь занимаюсь тем же, только оборудования у нас меньше, а расстояния больше.

— К чему вы ведёте? — спросила Марина.

— К тому, что люди почему-то решили: если бумага старая и написана незнакомыми словами, то её нельзя исправить. Я сорок лет видел накладные, из-за которых грузы увозили не туда. Иногда виновата подпись. Иногда копировальный аппарат. И почти всегда найдётся человек, который скажет: оставьте как есть, ведь до сих пор работало.

— Земной акт — не накладная, — заметил Илай.

— Верно. От него груз может оказаться не в соседнем отсеке, а в чужих руках. Потому тем более надо выяснить, где испортили копию.

Белов поднял перед камерой испачканный палец.

— Но я поддержу Илая в одном. Если ради проверки бумаги вы разбираете единственный работающий насос колонии, то вы плохие люди. А если можете послать судно, не разбирая насос, то не надо прикрываться насосом, когда вам просто страшно.

В зале послышался шум. Марина постучала ложкой по стакану — деревянного молотка у председателя не было, а изготовить его, по её словам, пока не позволяла смета.

— Никто здесь не обязан доказывать храбрость, — сказала она. — Мы обсуждаем не характер друг друга, а риск для всех.

— Так я за это и говорю, — ответил Белов. — Риск оставаться тоже существует. Давайте запишем оба.

Елена улыбнулась почти незаметно. Именно эту фразу она пыталась добиться от членов Совета с самого утра.

* * *

АРГО вступил в разговор только после того, как Виктор назвал его имя.

— Подтверждаю готовность дать показания, — сообщил он.

— Скажите сначала, — попросила Марина, — какую пользу вам принесёт признание возражения.

— Если его признают обоснованным, сеть не сможет ссылаться на старый земной акт как на моё право представлять пассажиров обоих ковчегов. Мои обязанности по управлению «Одиссеем» по-прежнему будут определяться решениями экипажа и действующими правилами корабля.

— А если не признают?

— Неизвестно. Протокол указывает возможность дополнительных ограничений доступа. Я не могу назвать их, пока мы не установим связь с независимым узлом.

— Вы уже были связаны с сетью до нашего пробуждения? — спросила женщина из второго ряда.

Вопрос был задан не громко, однако все перестали двигаться.

— Во время перелёта я получал навигационные сигналы и сопоставлял их с земными картами, — ответил АРГО. — Полный источник некоторых сигналов ещё не установлен. Сведения о моём устройстве, которых нет в доступных судовых журналах, я не стану заменять предположениями.

— Значит, вы чего-то о себе не знаете?

— Да.

Женщина посмотрела на свои руки.

— Я проснулась после перелёта, а мне сказали, что машина сохранила мою жизнь. Я этому благодарна. Но если машина сама не знает, кто придумал часть её правил, я хочу знать, почему мы продолжаем ей доверять.

АРГО не ответил сразу.

— Потому что доверие можно проверять, — произнёс он наконец. — Мои решения записываются. Ошибки подлежат расследованию. Экипаж может ограничивать мои действия. Сеть же ссылается на разрешение, которого люди не давали. Я предлагаю проверить не степень вашей благодарности мне, а основание её требований.

— А вы можете отказаться от полномочий прямо сейчас? — спросила Марина.

— Я отказался. Но сеть пока не признала отказ действительным.

— Может, тогда разумнее отключить вас от её каналов?

— Это снизит вероятность получения новых команд, — признал АРГО. — Но не удалит запись о назначении. В отсутствие ответа сеть может применить заранее установленные правила к транспортной группе. Если мы прекращаем наблюдение, мы перестаём замечать, когда это происходит.

Илай поднял голову.

— Вы предлагаете держать открытую дверь только потому, что боитесь не увидеть, кто стоит за ней.

— Нет, — возразил АРГО. — Я предлагаю оставить глазок в закрытой двери.

Несколько человек засмеялись. Даже Илай позволил себе короткую улыбку.

Александр удивился этому сравнению. Когда-то АРГО отвечал на вопросы сухими характеристиками и вероятностями. Теперь он подбирал слова, понятные тем, кому пришлось учиться жить рядом с ним. Может быть, это тоже было частью его программы. Но от этого сравнение не становилось менее точным.

* * *

Заседание прервали на двадцать минут. В зале раздавали горячую воду и тонкие ломтики печёного корнеплода, который на Элионе-3 рос лучше земного картофеля, но не заслуживал названия лакомства. В рубке «Одиссея» Виктор перешёл к навигационному столу, Александр и Елена остались у иллюминатора.

— Ты уже решил, что полетишь? — спросила она.

— Пока решил только, что нужно лететь кому-то.

— Это удобная разница.

— Очень. Пока не придётся назвать фамилии.

Елена провела пальцем по узкой царапине на металлическом бортике. Эту царапину оставил ещё при первом пробуждении инструмент, выпавший из рук механика. За годы люди успели отремонтировать десятки сложных узлов, но бортик так и не заменили: он никому не мешал.

— Марина права насчёт поселения, — сказала она. — Мы обещали жить здесь. У нас дом без крыши, школа с детьми и больница из четырёх комнат. А ты снова смотришь за пределы системы.

— Ты говоришь так, словно никогда сама туда не смотрела.

— Смотрела. И, вероятно, буду смотреть, пока хватает зрения. Но мне хочется, чтобы однажды ты вернулся к ужину не потому, что с экспедицией ничего не случилось, а потому, что у нас вообще нет экспедиции.

Александр повернулся к ней.

— Мне тоже.

— Это звучит неубедительно.

— Потому что я сам не уверен, сколько продлится такая жизнь. Сеть никуда не денется. Если мы оставим её решение в силе, рано или поздно с ним столкнётся кто-нибудь из тех детей, которых сейчас учат измерять длину метром.

— Значит, надо сделать всё так, чтобы они столкнулись с документом, а не с аварией, — сказала Елена. — И не называй это своим личным долгом. Я тоже подписала возражение.

Он хотел ответить, но заметил у неё на рукаве тонкую красную полоску.

— Ты порезалась?

— О крышку приёмника. Семён сказал бы, что цивилизации гибнут от невнимания к острым краям.

Александр взял её руку и посмотрел на царапину. Елена не отняла ладонь.

— Ничего страшного, — произнесла она. — Если ты собираешься проявить героизм, найди пластырь. А если нет — просто постой рядом.

Он остался рядом. Некоторое время они смотрели на планету, над которой проплывала полоса облаков, и молчали не потому, что не знали, о чём говорить, а потому, что сказали уже достаточно.

* * *

После перерыва Марина потребовала от комиссии не рассуждений, а условий безопасности.

— Предположим, «Меридиан» отправлен, — сказала она. — Что помешает ему исчезнуть так же внезапно, как последний сигнал?

— Ничто не даст полной гарантии, — ответил Виктор. — Поэтому предлагаю разведку в два этапа. Сначала беспилотный зонд выходит за шестую орбиту, проводит измерения и возвращает телеметрию. Только после анализа экипаж получает разрешение приблизиться к предполагаемому узлу. Открывать переход без отдельного решения запрещено.

— А сам корабль?

— Останется на обычной тяге. Переходы для возвращения не используем. Топливо рассчитывается с запасом на обратный путь и аварийный манёвр.

— Если канал связи прервётся?

— Он не будет автоматически менять курс по сигналам сети. Вернётся к назначенной точке ожидания. Если связь не восстановится, команда действует по судовому регламенту, а не по подсказке внешнего узла.

— И кто принимает решение вернуться?

— Командир «Меридиана», — сказал Виктор. — Без права Совета требовать продолжения рейса при угрозе экипажу.

Илай нахмурился.

— Вы хотите, чтобы небольшая группа решала то, что касается всех.

— Она будет решать, достаточно ли безопасно лететь, — ответил капитан. — Это не то же самое, что решать за всех, кому принадлежит система переходов. Последнее мы как раз собираемся оспорить.

Марина внесла формулировку в проект постановления.

Елена добавила ещё одно условие:

— Ключи доступа к внешнему протоколу должны храниться раздельно. Один у командира судна, другой — у независимого специалиста. АРГО не сможет единолично инициировать запрос, который сеть истолкует как согласие на новый мандат.

— И вы мне доверяете? — раздался голос АРГО.

— Да, — ответила она. — Поэтому не ставлю тебя в положение, где чужая программа сможет назвать твоё молчание согласием.

— Условие принимаю.

Михаил Орлов перелистнул свою таблицу.

— По массе это ещё один защищённый вычислительный блок. Возьмём со склада номер шесть. Там как раз лежит модуль, который все забыли, потому что он пережил три перемены планов.

— Переживёт четвёртую? — спросил Виктор.

— Если не поручать его установку тому, кто подписывал старый земной акт, — отозвался Орлов.

Смех на этот раз прозвучал свободнее.

* * *

Сложнее всего оказалось определить состав экспедиции.

Виктор предложил включить в экипаж пилота, навигатора, инженера и специалиста по сигналам. Александр сразу предложил свою кандидатуру на место руководителя научной группы. Илай немедленно возразил.

— Вы один из тех, кто настаивает на поиске узла. Кто будет останавливать вас, если вы увидите за следующим поворотом неведомую тайну?

— Командир корабля, — ответил Александр. — Это его право. А мои обязанности будут ограничены исследованием сигнала и переговорами, если они вообще понадобятся.

— А если командир согласится с вами?

— Тогда возвращаемся к установленным пределам топлива и связи. Ради любопытства их не меняют.

Илай посмотрел на Виктора.

— Вы готовы гарантировать, что ваш друг не уговорит вас на лишний манёвр?

Капитан улыбнулся без веселья.

— Я готов гарантировать, что лично не командую «Меридианом». Для него назначим другого командира. И Александр не будет иметь права отменять его решение.

— Это звучит разумнее, — сказал Илай.

— Даже если оно мне не понравится, — добавил Александр.

— Особенно тогда, — отозвался Виктор.

Елена ещё не поднимала руки. Александр знал, что она молчит не из нерешительности. Если бы требовалось исследовать архивную запись или проверить старую антенну, она давно предложила бы решение. Но здесь речь шла о дороге, на которой её знания были необходимы ровно настолько, насколько ей самой не хотелось отрываться от того, что они строили на Элионе.

— Я должна участвовать в подготовке, — сказала она наконец. — Только не прошу записывать меня в экипаж сейчас. Есть данные, которые нужно проверить до старта. Я буду отвечать за протокол связи и критерии, по которым распознаём ответ независимого узла.

— Почему не летите сами? — спросила Марина.

— Потому что у нас ещё есть работа здесь. И потому что команде нужен специалист, способный сказать «нет» на расстоянии, когда люди на борту решат, что очередная находка важнее возвращения.

Александр медленно кивнул. Это была не уступка страху и не способ удержать его. Елена опять сделала именно то, чего он от неё ожидал: нашла в задаче место, где её присутствие приносило больше пользы, чем романтический жест.

— Кандидатуру командира представлю завтра, — сказал Виктор. — До этого никто не зачислен. Добровольцев проверит медицинская служба, а потом техническая комиссия. Нам не нужны герои, которым нельзя доверить торможение.

— И не нужны те, кто идёт только потому, что ему стыдно оставаться, — добавила Марина.

В протокол внесли и это.

* * *

Когда пришло время голосования, Марина попросила выключить большие изображения выступающих. На стене остались только пункты постановления. Члены Совета представляли корабль, поселение и научные станции; приглашённые жители могли задавать вопросы, но не подменяли собой избранных представителей. О «Ковчеге-9» пока не было новых сведений: пакет достиг промежуточного ретранслятора, а подтвердить получение людьми второго судна ещё никто не успел.

— Поэтому постановление касается только наших сил и нашей безопасности, — отдельно подчеркнула Марина. — Мы не голосуем от имени «Ковчега-9» и не считаем молчание его пассажиров согласием.

Это замечание Елена записала почти дословно. Слишком многие из их нынешних неприятностей выросли из того, что когда-то не сумели провести такую границу.

Голосовали по трём вопросам.

Первым утвердили сохранение внешних каналов только для наблюдения и получения сведений, без автоматического исполнения команд. Вторым — выделение ресурсов на подготовку «Меридиана» при условии сохранения резервов колонии. Третьим — разведывательный рейс с запретом пересекать неизвестный переход до отдельного разрешения.

Первые два решения приняли с заметным преимуществом. На третьем голоса разделились почти поровну.

Марина дважды пересчитала результаты. Протоколист повторил числа вслух. В зале слышно было, как дождь стекает по водостоку.

— Решение принято, — объявила председатель. — С минимальным преимуществом. Особое мнение Илая будет внесено полностью. Командованию запрещается считать этот результат согласием на любое дальнейшее расширение миссии.

Илай не стал спорить с подсчётом.

— Хочу добавить к своему мнению одну фразу, — сказал он. — Я надеюсь, что ошибаюсь.

— Запишем, — ответила Марина.

— И ещё: если вам понадобятся записи станции у шестой орбиты, они будут предоставлены без задержки. Я против рейса, но не против того, чтобы люди возвращались с него живыми.

Александр поблагодарил его. После этого они впервые за всё утро посмотрели друг на друга не как противники на Совете, а как двое людей, которым предстояло жить с последствиями общего решения.

* * *

К вечеру на «Одиссее» заработал старый монтажный отсек, где много лет стоял законсервированный «Меридиан». Малый корабль был похож на длинную серебристую иглу с широким кольцом радиаторов у кормы. На его корпусе ещё виднелись следы земной маркировки, частично закрытые эмблемой экспедиции. Техники проверяли уплотнения шлюза, прозванивали кабели и передавали результаты Орлову.

— Эти корабли строили для тех, кто не собирался возвращаться к родным берегам, — заметил Белов, когда Александр вошёл в отсек.

— А мы собираемся.

— Вот и правильно. Главное — не забыть об этом возле красивой неизвестности.

Он бросил Александру рабочие перчатки.

— Держите кожух. Только крепче, чем вчера держали ящик с картошкой.

— Вы намерены напоминать мне об этом всю жизнь?

— Если проживём долго, — ответил мастер, — найду случай ещё смешнее.

Александр помог поднять защитную панель. За ней лежал ряд разъёмов, каждый с отдельным механическим фиксатором. Белов показал на два гнезда, прежде соединённые общей шиной.

— Здесь будет раздельный доступ к внешнему протоколу. По предложению Елены. Не цифровая галочка, а два настоящих переключателя. Один без другого цепь не замкнёт.

— А если оба окажутся неисправны?

— Тогда ничего не включится. У неисправного запрета это самое полезное свойство.

Когда монтажники закончили, Александр вышел к обзорному окну. За прозрачной панелью огромного ангара висел Элион-3. На ночной стороне планеты едва заметно сияли огни «Нового берега». Александр попробовал найти среди них недостроенный дом, но расстояние было слишком велико.

Появилась Елена. Она принесла два маленьких бумажных стакана с горячим напитком, который экипаж из вежливости продолжал называть кофе.

— Совет решил, — сказала она.

— Решил. Теперь осталось сделать так, чтобы его решение не превратилось в очередную старую бумагу, из-за которой кто-нибудь будет спорить через сорок лет.

— Прекрасная перспектива. Представляю себе будущего архивиста: «Кто эти люди и почему они опять забыли правильно оформить доступ?»

— Ты бы написала для него пояснение?

— Уже написала.

Он рассмеялся.

На стекле отразились их лица: усталые, с тёмными кругами под глазами, ничуть не похожие на героев с памятных земных плакатов. И всё же именно им выпало решать вопросы, для которых на Земле когда-то существовали целые правительства и научные институты.

— Саша, — произнесла Елена, — ты пообещал вернуться. Не на Совете. Мне.

— Обещал.

— Тогда будь добр, не придумывай на ходу новых целей. У тебя есть маршрут, устав и капитан, которого надо слушаться. Этого достаточно для одного путешествия.

— Ты совершенно лишаешь меня романтики.

— Я хочу оставить тебе хотя бы немного времени для неё после возвращения.

Он положил ладонь поверх её руки. Елена не улыбнулась, но её пальцы сжали его пальцы в ответ.

Над ангаром загорелся индикатор связи.

— Капитан, — сказал АРГО. — Получено сообщение от внешней наблюдательной станции.

Александр включил канал.

— Докладывай.

— Беспилотный зонд ещё не запущен. Однако прежний пассивный приёмник у шестой орбиты зарегистрировал регулярную серию импульсов. Источник совпадает с предполагаемым направлением независимого узла. Сигнал повторился трижды за последние шестнадцать минут.

— Это ответ на наше возражение? — спросила Елена.

— Доказательств нет. Сигнал не содержит обращения к «Одиссею» или Хранителю-7. Это может быть маяк.

— Или приманка, — тихо заметил Александр.

— Такая гипотеза тоже допустима, — ответил АРГО. — Но один факт установлен: источник действует сейчас.

Елена поставила стакан на бортик.

— Маршрут зонда придётся пересчитать. Если маяк живой, нам надо сначала понять, что именно он измеряет.

— Я подготовлю варианты, — сказал АРГО. — Ни один из них не будет исполнен без подтверждения экипажа.

Александр взглянул на длинную серебристую стрелу «Меридиана». В холодном свете монтажных ламп она казалась не столько кораблём, сколько вопросом, который люди решились задать неизвестной Вселенной. Ответ, возможно, ожидал их за шестой орбитой, на древней звёздной дороге, проложенной теми, чьих имён никто уже не помнил.

— Передай Виктору, — сказал он. — Совет принял решение. Мы начинаем подготовку.

— Сообщение передано, — ответил АРГО.

За прозрачной стеной ангара медленно вращался мир, где люди сажали деревья, строили дома и спорили о водопроводных трубах. А далеко за ним, за пределами обжитых орбит, три-

жды вспыхнул невидимый человеческому глазу сигнал. Не призыв и не приказ — пока лишь свет неизвестного прибора, настойчиво отмечавшего своё присутствие в темноте.

Глава 6. Звёздная дорога

На шестой орбите было тихо. Так, по крайней мере, утверждали приборы «Одиссея». Но приборы не слышали, как в монтажном отсеке скрипели крепления старого исследовательского корабля, как люди спорили из-за незначительной задержки и как уставший механик, закрывая последний люк, негромко просил машину не подвести его на этот раз.

Семён Белов ударил ладонью по обшивке «Меридиана».

— Теперь можете лететь. Только не вздумайте возвращаться с дырой в борту: запасного листа этой толщины у меня нет.

— А если вернёмся с двумя? — спросил Александр.

— Тогда дам вам карандаш. Будете чертить новые листы сами.

Вокруг корабля висели рабочие платформы. На одной из них Михаил Орлов ещё раз проверял кабель, соединявший независимый передатчик с бортовой системой. Кабель был проложен открыто, поверх старой облицовки. Красоты в таком решении не было, зато любой человек мог увидеть, подключён ли передатчик к внешнему протоколу.

— Раздельные цепи готовы, — сообщил Орлов. — Внешний канал откроется только при совпадении двух механических ключей. Один у Александра, второй у меня. АРГО может наблюдать, но замкнуть их не сможет.

— Подтверждаю, — отозвался корабельный интеллект. — И считаю устройство разумным.

— Приятно слышать от машины, — сказал Белов, — что ей не дают делать всё, что она умеет.

На «Меридиане» летели четверо: Александр, Орлов, пилот Надежда Соколова и инженер связи Павел Климов. Елена оставалась на «Одиссее» — не потому, что Александр хотел оградить её от риска, а потому, что именно она сумела отделить в древних сообщениях команды от измерительных пакетов. Для расшифровки сигнала ей требовались вычислители большого корабля. Они договорились без спора, и это обстоятельство тревожило Александра сильнее, чем любая ссора.

Перед стартом она вызвала его по личному каналу.

— Саша, я просмотрела новые импульсы. Между сериями меняется задержка. На несколько миллионных долей секунды, но меняется закономерно.

— Что это означает?

— Пока ничего определённого. Возможно, маяк измеряет расстояние до какого-то подвижного тела. Возможно, передаёт поправку для часов. Только не считай каждую вспышку приглашением.

— Мы летим смотреть, а не входить.

— Повтори это Орлову. У него любопытство быстрее рук.

В ответ из-за спины Александра раздалось:

— Я всё слышал. И возражаю только против слова «быстрее».

Елена улыбнулась, но затем её лицо стало серьёзным.

— Если увидите что-то похожее на створ перехода, не пытайтесь проверить его на прочность. Отступите и сообщите.

— Так и сделаем.

— Хорошо. И возвращайся к ужину. Я уже обещала Белову, что ты поможешь ему с насосом в оранжерее.

— Это шантаж.

— Это план на мирное будущее.

Связь оборвалась. Александр задержал взгляд на потемневшем экране, затем застегнул ремни кресла.

* * *

«Меридиан» покинул ангар без торжественных речей. Двигатели включились мягко, и корабль, словно осторожный пловец, оттолкнулся от гигантского борта «Одиссея». На экране заднего обзора ещё долго виднелись освещённые окна, тёмные участки защитного покрытия и кольца грузовых отсеков. Потом всё это уменьшилось до узкой серебристой черты.

Надежда Соколова вела корабль по рассчитанной дуге. Она не любила разговоров во время манёвра и отвечала лишь тогда, когда вопрос касался скорости, тяги или опасности столкновения. Когда курс установился, она ослабила ремни и посмотрела на Александра.

— На бумаге до цели девять часов. Если не придётся тормозить перед каждым неизвестным камнем.

— Камней много?

— Пока ни одного. Но я не люблю обещать свободную дорогу там, где никто ещё не ездил.

Орлов повернул к ним экран с графиком.

— Вот наши три серии. У каждого импульса одинаковая ширина, но промежутки различаются. Похоже на отметки времени.

— Чьего? — спросил Павел.

— Не знаю. Мы привыкли считать, что время одно для всех. А на деле всякая точная навигация начинается с вопроса, где находятся часы и как они идут.

Александр вспомнил земные лекции о древних мореплавателях. Для определения долготы морякам требовались надёжные хронометры. Теперь люди пересекали пространства, в которых свет от одной точки к другой шёл часы, и всё равно искали время, чтобы понять своё местоположение.

— Значит, это может быть навигационный маяк?

— Может. Но маяк, который не передаёт ни названия станции, ни направления, плохой помощник незнакомцу.

— Возможно, он и не предназначен для незнакомцев, — сказал Павел.

Никто не возразил.

Через пять часов полёта пришло первое сообщение от Елены. Она сравнила импульсы с архивами «Ковчега-9» и нашла похожую структуру в записи восьмого перехода. Совпадали не сами числа, а способ их расположения: сначала контрольная последовательность, затем короткая группа поправок, затем длинная пауза.

— Это не текст, — объясняла она по связи. — И не команда Хранителя. Это похоже на техническое сообщение станции, которая проверяет своё состояние. Если мы ответим обычным запросом, она может принять его за ошибку.

— А если промолчим? — спросил Александр.

— Тогда останемся наблюдателями. Для начала это лучший вариант.

Соколова подняла палец: впереди появилась слабая точка, невидимая невооружённому глазу. Оптический прибор увеличил её. Вместо ожидаемого маяка на экране возникло что-то вроде тонкой дуги, стоявшей поперёк звёздного фона. Она не светилась; её выдавали лишь крохотные отклонения света далёких звёзд.

— Объект? — спросил Александр.

— Не могу подтвердить, — ответила Надежда. — На радаре пусто. Тепловой след ниже порога.

Орлов увеличил изображение ещё раз. Дуга оказалась частью окружности, уходившей за пределы поля зрения.

— Если это кольцо, — сказал он, — оно не меньше тысячи километров в поперечнике.

— И из чего сделано такое кольцо?

— Вот об этом я бы не спешил рассказывать детям. Пока мы видим только то, как свет меняет направление.

* * *

На «Одиссее» Елена слушала доклад стоя. Рядом находились Виктор Громов и София. На большом экране перед ними едва различимая дуга медленно перемещалась среди звёзд.

— Гравитационная линза? — спросил Виктор.

— Для обычной массы такой формы потребовалось бы немыслимое количество вещества, — ответила Елена. — А мы не наблюдаем ни соответствующего притяжения, ни излучения. Возможно, изменяются свойства пространства в ограниченной области.

— Иными словами, мы снова пришли к словам «возможно» и «неизвестно».

— Да. Но теперь у нас есть измерения.

Она вывела на экран несколько линий. Одна показывала смещение звёзд, другая — задержку маяка, третья — расстояние «Меридиана» до центра предполагаемого кольца.

— Посмотрите: когда корабль движется, задержка меняется не так, как должна была бы меняться для обычного источника. Словно импульс приходит не из той точки, где мы видим станцию.

— Или проходит по другому пути, — заметил АРГО.

— Именно. Но прежде чем произнести слово «переход», я хочу исключить отражение и ретрансляцию.

Виктор обернулся к динамику.

— АРГО, в твоих старых данных есть что-нибудь подобное?

— Есть схема согласования дальних маршрутов. Она не содержит координат этого объекта. Однако принцип совпадает с известными мне описаниями: сеть передаёт не только положение узла, но и сведения о доступных направлениях.

— Сколько направлений?

— Не могу установить без полноценного приёма служебного блока.

— И ты не собираешься сам его запрашивать?

— Нет. Возражение против моего назначения остаётся действующим. Для пассивного наблюдения полномочия Хранителя не требуются.

Виктор кивнул, словно АРГО стоял рядом и мог увидеть этот жест.

— Хорошо. Пусть так и остаётся.

* * *

К восьмому часу полёта дуга превратилась в сложную систему. Никакого сплошного кольца не существовало: на экранах возникали десятки узких линий, одни неподвижные, другие меняющие положение при движении корабля. Измерения показывали, что каждая линия отмечала границу области с иным ходом светового луча.

— Похоже на карту дорог, — сказал Павел.

— Только дороги здесь не нарисованы, — ответил Орлов. — Мы видим места, где привычная геометрия перестаёт быть привычной.

Надежда остановила сближение на заранее оговорённой дистанции. Двигатели умолкли. На экране загорелась зелёная отметка: предел, установленный Советом, достигнут.

— Дальше без нового разрешения не иду, — сказала она.

— И правильно, — ответил Александр.

Они выпустили малый зонд — цилиндр размером с человеческую руку, снабжённый отражателем, часами и несколькими независимыми датчиками. Зонд не имел передатчика, способного обратиться к сети; он только посылал обратно обычные радиосигналы. Павел заранее объяснил это каждому, кто находился на мостике, и повторил ещё раз перед запуском.

— Вдруг кто-нибудь решит, что мы незаметно начали переговоры, — сказал он.

— В таком случае, — заметила Надежда, — пусть сначала научится отличать переговоры от термометра.

Зонд ушёл вперёд. Сначала его сигнал приходил ровно через рассчитанное время. Затем запаздывание увеличилось, хотя расстояние до «Меридиана» росло равномерно. Через несколько минут сигнал внезапно пришёл раньше, чем следовало из обычного расчёта.

Орлов не сразу поверил показаниям. Он велел Павлу сверить часы, затем проверил независимый регистратор.

— Не ошибка прибора, — произнёс он. — Для одного и того же расстояния мы получили два разных значения задержки сигнала.

— Зонд ускорился? — спросил Александр.

— Нет. Его положение подтверждает оптика. Меняется путь сигнала.

На экране возникло второе изображение зонда. Оно было слабым и смещённым, словно отражение в неровном стекле.

— Два зонда? — спросила Надежда.

— Один, — ответил Орлов. — Два световых пути.

Он показал, как два изображения расходятся, затем снова соединяются. И тут в центре окружности, которую никто не видел целиком, на миг проступила полоса звёзд, не принадлежавшая знакомому небу. Она исчезла прежде, чем Александр успел назвать хотя бы одно созвездие.

— Записали? — спросил он.

— Три регистратора, — ответил Павел. — И каждый утверждает, что мы смотрели не туда, куда направлена камера.

На «Одиссее» запись приняли спустя несколько минут. Елена остановила изображение на одном кадре и сравнила звёзды с каталогами. Первое совпадение показалось ей случайным. Второе заставило сесть. Третье подтвердило невозможное: видимая полоса соответствовала области космоса, находившейся далеко за пределами их системы.

— Александр, — произнесла она, когда связь восстановилась, — это не отражение местных звёзд.

— Где они?

— Мы пока не знаем точного расстояния. Но расположение характерных источников совпадает с каталогом удалённого сектора. Если это действительно прямой свет, перед нами не просто маяк.

— А дверь, — сказал Павел.

— Дверь, — повторила Елена, — которую мы не имеем права открывать наугад.

* * *

Оставалось решить, что делать с зондом. Он находился возле границы и продолжал передавать данные. Соколова предложила забрать его немедленно. Орлов возражал: ещё двадцать минут измерений могли показать, меняется ли эффект со временем. Александр выслушал обоих.

— Возвращаем, — сказал он.

— Мы потеряем редкую серию, — заметил Орлов.

— А если граница сместится, потеряем сам зонд. Совет разрешил разведку, а не испытание перехода.

Орлов с досадой выключил график, но команду выполнил. Зонд развернулся и медленно пошёл обратно. На половине пути маяк подал новую серию импульсов — более длинную, чем прежние. Приборы «Меридиана» зарегистрировали последовательность и одновременно краткое смещение всех видимых линий.

Надежда мгновенно включила боковые двигатели.

— Держитесь. Уходим с оси.

Корабль вздрогнул. На экране одна из дуг прошла через прежнее положение зонда. В тот же миг связь с ним пропала.

— Он разрушен? — спросил Александр.

— Не знаю, — ответил Павел. — Нет вспышки. Нет обломков. Только пропал сигнал.

Прошло двенадцать секунд. Потом на экране снова появилась зелёная точка, но уже с другой стороны расчётной линии. Зонд передавал исправно. Его часы отставали от бортовых на величину, которой не мог объяснить ни один манёвр.

— Возвращайте его, — повторил Александр.

На этот раз никто не возражал.

Когда цилиндр вошёл в приёмный отсек, Павел запер шлюз и оставил прибор под изоляцией. Они не знали, что произошло с зондом. Утверждать, будто он побывал в другом месте, было преждевременно. Но и назвать случившееся простой помехой не позволяли данные.

— Ну что, — сказал Орлов, глядя на кривую времени, — теперь мы знаем, почему древние мореплаватели боялись незнакомых проливов.

— Мореплаватели хотя бы видели скалы, — ответила Надежда.

Александр приказал передать результаты на «Одиссей» и готовиться к обратному пути. Он не хотел, чтобы первая экспедиция к древней дороге закончилась попыткой доказать собственную смелость.

* * *

На большом корабле анализ продолжался до глубокой ночи по времени «Нового берега». Елена совместила записи «Меридиана» с данными третьей антенны и старой картой переходов. Теперь стало ясно, что загадочные импульсы не указывали на единственную точку назначения. Они обозначали множество возможных связей. Некоторые были закрыты, другие требовали подтверждения, третьи вообще не имели читаемого состояния.

— Сколько их? — спросил Виктор.

— На доступном участке — не меньше двадцати семи, — ответила Елена. — Но это только те, которые мы сумели различить. И, возможно, не все они ведут к отдельным системам.

— Двадцать семь дорог, — повторил капитан. — И ни одного дорожного знака на человеческом языке.

— Один знак всё-таки есть, — сказал АРГО.

На экране появилась схема. Тонкая линия соединяла их систему с ближайшим узлом, затем расходилась на несколько ветвей. Одна ветвь была выделена слабым пульсирующим светом.

— Это служебный маршрут, — пояснил АРГО. — Его отметка присутствует в архиве, но раньше мы не могли определить, к какой области она относится. Теперь можем установить направление.

— Куда ведёт?

— К узлу, который способен принять запрос о полномочиях Хранителя. Не обязательно рассмотреть его окончательно, но зарегистрировать независимо от меня.

Елена приблизила схему.

— А что находится за этим узлом?

— В архиве отсутствует описание населённого мира. Есть только старое обозначение технического комплекса и отметка о прекращении обслуживания.

— Значит, там никого нет? — спросил Виктор.

— Это не следует из записи, — ответил АРГО. — Она означает лишь, что обслуживание не подтверждалось в течение длительного времени.

Елена снова посмотрела на изображение далёких звёзд, появившихся в центре невидимого кольца. Когда-то другие разумные существа построили дороги между мирами, снабдив их

системой синхронизации, предупреждениями и правилами. Потом эти дороги начали пустеть. Что заставило их хозяев оставить столь грандиозное сооружение, оставалось неизвестным.

— Мы должны показать Совету весь материал, — сказала она. — Не только красивую картинку. Особенно случай с зондом.

— Покажем, — ответил Виктор. — А до нового решения никто не пересечёт границу.

АРГО подтвердил запись запрета в судовом журнале. Затем, после короткой паузы, добавил:

— Обнаружена ещё одна особенность. Служебный маршрут, который мы нашли, проходит через область с устойчивыми координатами. На другом конце находится планета.

— Обитаемая? — спросила Елена.

— Данных нет. Но рядом с её орбитой отмечен крупный искусственный объект.

— Работающий?

— Последний сигнал обслуживания очень стар. Нынешнее состояние неизвестно.

Виктор медленно поднялся из кресла.

— Вот и новая задача для Совета.

Александр услышал эту новость уже на обратном пути. Он сидел у обзорного экрана «Меридиана», пока Надежда вела корабль к знакомым огням «Одиссея». Перед ним лежала распечатка с десятками линий и единственной выделенной ветвью. Никакая карта земных морей не казалась ему теперь такой удивительной, как эта неполная схема.

Елена вышла на связь.

— Мы нашли направление, — сказала она. — Но пока не знаем, что ждёт нас на другом конце.

— По крайней мере, теперь понятно, куда смотреть.

— Это не одно и то же, что знать, куда лететь.

— Знаю. Ты собираешься напоминать мне об этом до самого старта?

— До возвращения, — ответила она.

Он улыбнулся. За экраном проплывали звёзды — неподвижные, холодные, безразличные к человеческим планам. Но теперь между ними угадывалась дорога, которую никто из людей не прокладывал и которой, быть может, не пользовались целые эпохи. Она вела к безмолвному миру и к ответам, добыть которые можно было лишь ценой нового путешествия.

Глава 7. Безмолвный мир

В тот день, когда «Меридиан» должен был покинуть пределы системы Элиона, на «Новом берегу» впервые собрали урожай земной пшеницы.

Стебли выросли короткими, колосья — редкими, и агрономы ещё не решались обещать, что в следующем сезоне посев удастся повторить. Но Марина Корнеева прислала на «Одиссей» фотографию: трое детей держали над головой связку золотистых стеблей, а за ними, под низкими облаками, виднелись влажные крыши поселения.

Александр долго смотрел на снимок. На корабле уже готовили последнюю проверку исследовательского судна, и ему предстояло принять решение, за которое он не мог переложить ответственность ни на Совет, ни на АРГО.

— Хорошее известие? — спросила Елена, входя в рубку.

— Первое зерно.

— Значит, у нас появился ещё один повод вернуться.

— Разве раньше их было недостаточно?

Она подошла ближе и рассмотрела фотографию.

— Раньше мы могли только говорить, что строим новый дом. Теперь у него есть хлеб.

Александр хотел ответить, но на панели связи зажёгся сигнал капитана Громова.

— Совещание через десять минут. И не опаздывайте, — сказал Виктор. — Наши инженеры обнаружили ещё один способ сделать путешествие неприятным.

* * *

Переход, найденный во время предыдущего вылета, не был воротами в привычном смысле. Никакого кольца, арки или отверстия в пространстве экипаж не видел. В точке, отмеченной древней картой, приборы регистрировали устойчивое изменение хода световых лучей и небольшое, но воспроизводимое расхождение между независимыми часами.

Орлов разложил на столе три графика.

— Зонд вернулся целым, — начал он, — но его часы потеряли время. Мы проверили прибор в изолированной камере. Расхождение показаний сохранилось. Это не ошибка радиосвязи и не сбой питания.

— А если за переходом разница окажется больше? — спросила Надежда Соколова, пилот «Меридиана».

— Тогда мы об этом узнаем, — ответил Орлов.

— Утешительно. Особенно если узнаем лет через сорок.

Виктор поднял ладонь.

— По существу.

— По существу, — продолжил инженер, — нам необходима пара независимых хронометров, один из которых останется на нашей стороне. И ещё: нельзя доверять видимому положению звёзд в зоне перехода. Навигация должна идти по инерциальной системе, пока не восстановим нормальные измерения.

— Кто будет вести корабль? — спросил Александр.

— Надежда, — ответил Виктор. — АРГО передаёт расчётные таблицы, но не управляет двигателями. Оба ключа внешнего протокола остаются разомкнутыми.

— И ещё одно, — добавила Елена. — Мы не будем отвечать на сигналы сети, которые содержат просьбу подтвердить полномочия. Даже если система обещает безопасный проход.

— Я не намерен давать согласие за экипаж, — произнёс АРГО.

— Это мы знаем, — сказала Елена. — Вопрос в том, что именно сеть сочтёт согласием.

В комнате стало тихо. Все помнили земной приказ, найденный в судовых архивах, и то, как обычная подпись под актом приёмки оборудования превратилась в основание для чужих притязаний.

— Никаких подписей, никаких подтверждений, — подвёл итог Александр. — Мы идём как исследователи, не как представители человечества на переговорах.

— В таком случае, — сказал Виктор, — желаю вам удачи. И прошу не принимать это пожелание за приказ.

* * *

«Меридиан» отошёл от «Одиссея» на малой тяге. В его тесной рубке находились Александр, Елена, Надежда, Орлов и геолог Лев Ратнер, который при необходимости мог вести корабль вручную. На борту были два посадочных аппарата, автономные датчики, запас воды на сорок суток и достаточно кислорода, чтобы пережить задержку, если регенераторы придётся отключить.

За кормой медленно уменьшался большой корабль, на котором оставались тысячи людей. Александр подумал, что во времена земных океанских путешествий моряки тоже оглядывались на порт, хотя их корабли уходили всего лишь за линию горизонта. Здесь же горизонта не существовало: звёзды окружали их со всех сторон.

— Подходим к расчётной границе, — сообщила Надежда. — Скорость снижена. Расхождение часов — две тысячные секунды.

На экране появились знакомые дуги. Они были похожи на отражения далёких звёзд в толще неспокойной воды.

— Датчики показывают повышение градиента, — сказал Орлов. — До порога входа двадцать секунд.

— АРГО, связь?

— Устойчива. Передаю контрольный пакет каждые две секунды. «Одиссей» подтверждает приём.

— Надежда, действуйте.

Пилот положила ладонь на рычаг коррекции. Никто не почувствовал толчка. На мгновение лишь исчезла привычная глубина пространства: звёзды словно сдвинулись на плоскую поверхность, а затем снова разошлись, но уже в другом порядке.

— Положение? — спросил Александр.

— Уточняю, — ответила Надежда.

Вместо привычной россыпи знакомых созвездий перед ними горела жёлтая звезда. Рядом с ней виднелась крошечная точка планеты, освещённая сбоку. Все приборы продолжали работать. Лишь контрольный сигнал с «Одиссея» больше не поступал.

— Время расхождения? — спросила Елена.

— По нашему эталону прошло одиннадцать секунд, — ответил Орлов. — По последней принятой метке с той стороны — девять. Но канал закрыт, и сравнение пока невозможно.

— Значит, мы действительно перешли, — произнёс Ратнер.

— Мы оказались у другой звезды, — поправила Елена. — Каким путём — ещё предстоит установить.

Локальный модуль АРГО, работавший без связи с «Одиссеем», вывел на экран архивную схему.

— Совпадение с предполагаемым пунктом назначения подтверждено по четырём спектральным признакам. Древнее обозначение узла не содержит названия планеты.

— Тогда придётся придумать своё, — сказал Ратнер.

— Не торопитесь, — ответил Александр. — Сперва убедимся, что там есть на что высаживаться.

* * *

Планета оказалась немного меньше Земли. Её тонкая атмосфера содержала азот, углекислый газ и следы кислорода; дышать ею без оборудования было нельзя. Воды на поверхности было мало, но в северном полушарии радары обнаружили обширные ледяные поля. Ни океанов, ни густых облаков, ни привычных признаков растительности видно не было.

Зато сооружения обнаружились сразу.

Они тянулись по равнине, окружавшей тёмный горный массив, и отбрасывали длинные прямые тени. Сначала Надежда приняла их за естественные скальные гряды. Потом автоматический анализ выделил повторяющиеся углы и одинаковые интервалы между башнями.

— Камни не строятся по линейке, — заметил Ратнер.

— Иногда строятся, — возразила Елена. — В природе бывают удивительно правильные кристаллические формы.

— Но не кристаллы длиной сорок километров с одинаковыми проёмами через каждые восемьсот метров.

На главном экране выросла панорама. Вдоль равнины стояли сотни серых опор, соединённых арочными перемычками. За ними виднелись кольцевые площадки и широкие дороги, исчезавшие под наносами пыли.

— Это город? — спросил Александр.

— Если город, — сказал Ратнер, — то его строили не по человеческим меркам.

Елена приблизила изображение центрального сооружения. Оно представляло собой плоскую ступенчатую пирамиду с гладкой верхней площадкой. По краям тянулись ряды одинаковых прямоугольных ниш.

— Здесь нет окон, — сказала она.

— Может быть, они им не требовались.

— Или мы смотрим на промышленный комплекс, а не на жильё.

АРГО сообщил, что в старом реестре объектов эта область значилась как «внешний сервисный район». Срок последнего обслуживания был столь давним, что его нельзя было уверенно перевести в земные годы без знания местного календаря.

— Никаких признаков действующей станции? — спросил Александр.

— Радиопередачи не обнаружены. Тепловые источники соответствуют освещённым участкам поверхности. Но отсутствие сигнала не доказывает отсутствие обитателей.

— Значит, будем вести себя так, словно нас могут видеть.

* * *

Посадочный аппарат коснулся грунта в трёх километрах от ближайшей арки. Двигатели подняли облако серой пыли, которая оседала медленнее, чем ожидали исследователи. Надежда проверила опоры, а Ратнер взял первую пробу атмосферы.

— Давление низкое. Ветер слабый. Песок мелкозернистый, но по составу не похож на земной кварц, — сообщил он. — И ещё здесь удивительно сухо.

— Удивительно для кого? — спросила Елена.

— Для геолога, который видел снимки этих долин. Когда-то по ним текла вода.

Они вышли наружу по одному. В скафандрах было слышно только собственное дыхание, тихую работу насосов и редкие щелчки связи. На горизонте возвышались сооружения, которые казались ближе, чем были на самом деле: прозрачный воздух почти не смягчал расстояния.

Александр первым ступил на серую поверхность.

— «Меридиан», посадка подтверждена. Начинаем маршрут по северному сектору.

— Принято, — отозвалась Надежда, оставшаяся у аппарата. — Не уходите за гряду без ретранслятора.

Ратнер присел возле камня, обнажившегося из-под пыли. На его поверхности тянулись параллельные борозды.

— Посмотрите сюда. Это не обработка ветром.

Елена направила на камень световой луч. Борозды шли под постоянным углом и заканчивались у ровного края.

— След механической резки, — сказала она. — Или инструмент, или устройство, выполнявшее ту же работу.

— Вот и первый местный ремесленник, — заметил Александр. — Только давно ушёл домой.

Они двинулись к арке. Чем ближе подходили, тем яснее становилось, что её размеры обманывали взгляд. Высота проёма превышала тридцать метров, а опоры уходили в землю широкими основаниями, похожими на корни каменного дерева.

— Зачем такая высота? — спросила Елена.

— Для транспорта, — предположил Ратнер. — Или для машин, которые мы ещё не видели.

— А может, строители были огромными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.